

ДАНИЕЛ ВАРУЖАН

ИЗБРАННОЕ

Стихотворения и поэмы

Даниэл Варужан (Чупукгрян) родился 21 апреля 1884 года в селе Бргник Сивасского вилайета (Западная Армения) в семье крестьянина. Вскоре после рождения сына отец поэта уехал в Константинополь на заработки. В 1896 году Даниэл с матерью переехал в Константинополь к отцу. Здесь Варужан учится в католических школах, а с 1902 года продолжает учебу в Венеции, в школе мхитаристов Мурад-Рафаэлян.

Варужан начал писать с 1898 года и к 1902 году подготовил к печати сборник «Букет цветов, или Напевы бргникца», который он не смог издать из-за недостатка средств. Первый сборник Варужана «Содрогания» вышел в свет в 1906 году в Венеции.

С 1905 года Варужан учится в Гентском университете (Бельгия), изучая политические и социальные науки. Здесь же он занимается поэтическим творчеством. Его многочисленные произведения публикуются в армянской периодической печати, издаваемой во Франции, Египте, Болгарии, Италии и других странах. По окончании университета (лето 1909 года) Варужан возвращается в Сивас, где преподает армянский и французский языки, армянскую литературу, политэкономия. С 1911 года продолжает преподавательскую деятельность в Евдокии (Западная Армения), а с 1912 года — в Константинополе, где заведует армянской общеобразовательной школой.

Одновременно издает сборники «Сердце нации» (1909), «Языческие песни» (1912). В 1913—1915 годах работает над сборником «Песнь хлеба», который вышел в свет посмертно (1921).

24 апреля 1915 года по приказу турецких властей в числе 200 представителей константинопольской армянской интеллигенции Варужан был арестован и убит 26 августа того же года.

Основные издания на армянском языке: *Сердце нации*, Константинополь, 1909;

Языческие песни, Константинополь, 1912; *Сочинения*, Ереван, 1979; на русском языке:

Поэзия Армении..., М., 1916; *Антология армянской поэзии*, М., 1940; С. Шервинский, *Из армянской поэзии*, Ереван, 1966; *Из западноармянской поэзии*, Ереван, 1979;

Поэты Армении, Л., 1979.

ОДА

Славу я воспел тростниковым пером.

Посвящаю тебе, отчий край.

Средь платанов его вырезал я ножом.

Посвящаю тебе, древний край.

Я жрецов тростниковым пером воспел.

Свет из горла его заблестел.

Тростниковым пером я воспел тоску.

Посвящаю скитальцам родным.

Этот стебель растет на чужом берегу.

Посвящаю смиренным моим.

Я воспел тростниковым пером невест.

Плач из горла его плыл окрест.

Тростниковым пером воспел я кровь.

Посвящаю вам, жертвы резни.

Оно, словно Феникс, возродилось вновь.

Посвящаю погибшим в те дни.

Тростниковым пером я воспел язвы ран.

В тростнике жило сердце армян.

Тростниковым пером я воспел свой дом.

Посвящаю тебе, отец.

Я его нашел над засохшим ручьем.

Мать свою воспел я, певец.

Тростниковым пером воспел свой порог,

Шел из горла пера дымок.

И воспел я борьбу за честь и добро.

Посвящаю армянам-бойцам.

Мех в горниле сердца — перо.

Посвящаю моим храбрецам.

Торжество тростниковым пером я воспел,

Огонь из горла пера летел.

1909

НЕМЕЗИДА

О народ! Молись этой злой зеленоглазой богине! Но когда свергнешь тиранов,
свергни и ее. И сам ступи на мраморный
цоколь с лилией в руке.

Ваятель, гигант, львиная грива, огненный взор,

Вошел в святилище своей мастерской

И захлопнул стальные широкие двери,

Ставни от света плотно закрыл,

Только в щели проламывались теперь

Золотые спицы полдневных лучей.

Громадная глыба отборного мрамора,

Робко ежась, ждала в полумраке:

Быть может, в ней прорежется древний богатырь,

Быть может, низвергнувшись громом с небес,

Сам Господь в нее воплотится

Отныне и навсегда.

Со времен, когда была она дикою скалой.

Грудой лежали у нее на краю

Остатки орлиного гнезда,

А в укромной впадине, не замеченная никем,

Спокойно свернувшись, дремала змея.

И вот ваятель беспредельной душой
Стал богоравен — засучив рукава,
Взяв золотой молот, пальцами грея резец,
Перед скалою огромной, львиною гривой тряхнув^
Он на мгновение замер...
И вдруг он увидел, из тьмы
Протянулась рука с кувшином,
Наклонилась — и душу его окатил
Первобытный, пропахший землей
Вселенский потоп созиданья.
И он врубился в скалу,
И он врубился в скалу.
Под круглящимся куполом мастерской
Череп святого висел, наполненный маслом надежд,
Свет шел оттуда,
И сиянье указывало резцу
Путь сквозь камень к обличью и плоти мечты,
И мысль дерзновенная в белую твердь
Корни упрямо втискивала
Благодатным оливковым древом.
И он врубался в скалу,
И он врубался в скалу...
И при каждом ударе молота
Камень взрывался,
Искры снопами
Бились о темные стены и гасли
Распавшимися созвездьями,
А жасмин во дворе вздрагивал,

Осыпая землю и ставни
Синеватой порошей цветов.
И он врубался в скалу,
И он врубался в скалу,
И сдавалась в дикости твердь,
И вот — голова женщины,
Нестерпимо живая,
Расцвела, словно белая лилия.
Лик ее был прекрасен и страшен,
Слепотой древнегреческих статуй
Были повиты очи ее, но во мгле
Пробуждалась душа — постепенно,
Как ползет скорпион к небесам на щербатый отрог,
И он врубался в скалу,
И он врубался в скалу,
Как певец, избавляющий от немоты
Грозное слово стиха.
В складках ожившего мрамора
Каждый удар отзывался созвучием лиры,
Рифмой, строкой или реющим звоном,
Каждый подобный грому удар
Влагался в песнь золотого молота,
Которой внимает Господь.
И он врубался в скалу,
И он врубался в скалу...
И пышные кудри богини
Клубками свившихся змей
Рассыпались по плечам.

Явились и сами плечи.
Явились руки воительницы,
Способные направлять
И златые стрелы любви,
И молнию смерти — копье.
И он врубался в скалу,
И он врубался в скалу...
Отгорели, истлели бессонные ночи,
Беспросветные дни, — ну и пусть!
Вот перси, вот перси ее
Засияли, чисто скругленные
Так, словно в них молоком
Отлагается свет загустевший!
Вот лона ее могучая воля
Вскормить
Зерна мести и справедливости.
Вот позвонки, вот полные, сильные бедра,
Вот углубление пупка, вот оно,
Как звезда, порожденная вихрями космоса,
Брызнуло светом зовущим.
Удар, и снова удар...
Явились на свет колени,
Явились пальцы на ногах, и из них
Мед и яд, светясь, побежали
С тихим журчаньем.
К поясу девы он прикрепил
Обоюдоострый меч,
Непорочный меч,

Справедливый меч,
И проснулась змея во впадине,
И вокруг меча обвилась,
И тягучую каплю яда
Уронила на светлое лезвие.
Удар, и снова удар, — и вот
Забрезжил конец труда.
Лоб, увенчанный жемчугом пота,
Наморщил усталый ваятель.
Чья это статуя? Как зовут эту деву?
Это Исида? Это Медуза Горгона? Это ревнивая
Гера?
Нет. И на глыбе цоколя
Он вырезал: НЕМЕЗИДА.
Так вот о чем он мечтал, чем дышал,
Вот какую надежду таил
В недрах мятущихся сердца!
Богиня Мести и Справедливости —
Вот дитя его сил,
Он лелеял ее и вскармливал
С той поры, как повенчано было
С кровью народа
Его беспокойное разуменье.
Сутками он себя погребал
В могильной тьме мастерской — ну и пусть!
Добрый пот утомленья
Катится со лба — ну и пусть!
Всё лицо, все руки и плечи

Припорошены мрамором,
Который он молот, как мельник, — ну и пусть!
Ну и пусть густые ресницы похожи
На крылья белого голубя!
Не ему улыбалась весна
В светлом сиянии родников — ну и пусть!
Не он выжимал виноградные грозди
В резную хрустальную чашу — ну и пусть!
Не сплелась его львиная грива
С распущенными косами девушек,
Танцующих на холмах, — ну и пусть!
Что жалеть о потраченной жизни, —
Мечта жива
И бессмертна.
Опустив свой победный молот,
Он встретил зрачки статуи,
Отразился в ее зеницах
Весь целиком.
Ожил священный мрамор,
Ожил в его руках.
Прозабавшая в дикости глыба
Пробудилась Богиней,
Убогая рабыня молота
Обернулась Владычицей мести!
Труд окончен.
Явилась на свет Немезида,
Она готова принять
Ропот поклона и вопли жертвы.

И засмеялся ваятель.
Он отворил ставни,
Распахнул лязгнувшие двери.
Хлынул свет,
Омыл статую,
И, наливаясь лучами,
Засияло тело богини.
Напротив на балконе сидела девушка,
Плела кружева;
Глянула на статую — отшатнулась,
зажмурилась.
О снежно-белую плоть богини
Беззвучно крошились солнечные стрелы,
Потоки сверкающих искр
Ниспадали с персей и плеч.
Глянул ваятель на свое дитя.
Да. Это она,
Порожденье его мятежной крови.
И он благоговейно поцеловал
Промежуток меж ее сосцами.
И припала там капелька света
От уст творца, словно семя,
Словно завязь гроздий возмездия.
И отбросил ваятель свой молот,
Лег, оперся локтем о цоколь,
Положил голову на руку
И, как лев, утомленный сражением,
Но одержавший победу,

У ног богини уснул.
Толпы хлынули, толпы хлынули,
По дорогам, по переулкам
Покатались черные реки.
Это идет угнетенный народ.
Он разглядел Немезиду,
Он хочет ей поклониться,
И он стекается к ней.
Из застенков, из тюрем, с заводов
Идут, изнуренные, окровавленные,
Волокут остатки разбитых цепей
На стертых босых ногах,
Так что лязг идет по булыжнику!
Кто с молотком, кто с киркой.
На свирепых лицах
Пылает неистовство,
Жемчужные зубы оскалены,
Готовые впиться в мясо.
Бегут полуголые женщины,
Бледные детишки бегут,
Розы их весен осыпались,
Еле успев распуститься.
Крики и вопли ненависти
Из улицы в улицу льются,
По беспредельному городу
Рвутся цепи,
Рушатся тюрьмы,
Жгут на площади плаху,

Набухшую алой кровью
Преданных казни героев,
И взмывшее к небу пламя
Становится разумом толп.
Хижины, тужась, рожают бунтарей,
Встают из могил мученики,
Обновилась их плоть, обновился их ум,
И оружие их обновилось.
Они ползали в тине,
Они строили другим дворцы,
И вот — неистовый прыжок
На свои, на бывшие могильные плиты
Вынес их к свету.
Бушует и пенится людской океан,
Кипят его мрачные бездны,
Вздымаются черные волны,
Несутся, обдавая смертью,
И своей ядовитой слизью
Достают до дворцовых аркад
И до лба равнодушного солнца.
Ужасны они, но нынче
Орлиное крыло мечты,
Впитавшей дела и надежды
Гениев всех времен,
Освятило их лбы.
И они, расплеснувшись и слившись
В бушующий океан,
Рыча, бранясь и молясь,

Грязно и дико ругаясь,
Набегая, как волны, вопят:
«О Немезида! Возмездия!»
Кто же иной их утешит,
Как не Мечь? К белизне осиянной,
Как волны к луне, они тянутся,
Они стекаются к статуе,
Как к обретенной матери,
Теснятся, давят друг друга,
Бьются лбами в чужие затылки
И пред величавой богиней
Обнажают раны свои.
Юноши протягивают ей
Свои изувеченные руки,
Матери из-под черных покровов
Кажут ей черепа младенцев,
Растоптанных конными лавами,
Старухи стелют пред нею
Багряные плащи
Вероломно зарезанных внуков-героев.
Это их последнее богатство,
Это их дар.
На коленях, молясь и проклиная,
Они вопиют:
«О Немезида! О праведная Мечь!»
Зри унижение наше!
Взвесь на своей ладони
Каждую капельку слез,

В которой океан страдания!
Хватит платить за чужую усладу и славу
Нашим кровавым мясом,
Мозгом из наших костей!
Хватит вспарывать сталью штыков
В нашем чреве
Светлое семя зари!
Хватит рвать нашу плоть колесами
И смазывать спицы машинам!
Хватит, хватит
Носить на исхлестанных спинах
Камни свои гробовые!
Настал час возмездия,
Настал час восстания!
Вдохни же в нас силу, веда!
Это ты для нас богоматерь!
Сплавь нас своею волей,
Кровавыми знаками
Проставь законы на наших лбах!
Мы — твой народ,
Смерть всем прежним богам!
На их развеянном прахе
Тебе мы построим капище
Прекрасней всех храмов Аттики!
Мы разрушим дворцы и тюрьмы,
Их победные грузные цоколи
Пойдут тебе на алтарь!
И в твой день мы помянем погибших

Хороводами ненависти.
И мертвецы пробудятся
От смешанных с кровью вин,
Которыми мы окропим могилы!
И выйдут они на солнце,
И запляшут вокруг тебя,
Отрясая истлевшие саваны!
Сойди к нам, богиня, живи среди нас!
О, как ты прекрасна,
О, как ты страшна!
Очи твои жгут справедливым огнем,
Руки твои мечут в распаханый прах
Семя сверкающих лилий и пылающих факелом
жизней!
Ты горлица, свившая гнездо в черепе,
Ты родник Стикса,
Собирающий влагу в могилах!
Возьми на руки наших голодных детей!
Пусть в объятьях твоих
Крещение примут они и вкусят от сосцов
Немезиды
Молоко мятежа и мести!
Сойди к нам, богиня!
Мы станем щитом для персей твоих,
Мы станем мечом в беспощадной деснице твоей,
Ибо мы жаждем крови!
Крови, крови, крови!»
Надсаживаются толпы,

Трясутся троны царей,
Но для ваятеля — это
Лишь тихая колыбельная.
Надсаживаются толпы.
Измазанные кровью ладони
Мечут жасмин и розы.
Бледные пальцы девушек
Исколоты швейными иглами,
Плетут богине венки.
Последнего своего козленка
Приносят ей в жертву крестьяне.
Отроки курят ей фимиам.
А воины и рабочие
Рвутся к священному цоколю
Изощрить лезвия мечей.
И вдруг все смолкают,
Все склоняются —
Сейчас начнется молитва...
(О, будьте же святы, сдавленные рыдания
И капли крови,
Упавшие с волос!
О, трижды будьте святы,
Молитвы в канун сражения!
Вы — пыльца надежд на скорую победу,
Вы, как белые голуби из наших рук,
К солнцу взмываете, к солнцу!)
Из горнила вселенского заката
По склону горы

Широким шагом спускается
Великан, верховный жрец
Девы Возмездия,
Беззаветный провидец и вождь.
Прямое закатное солнце
Стоит у него за спиной.
Багровые блики
Скользят по узорным доспехам.
Лучи, как зубцы короны,
Летят над его головой.
И каплет кровь с его меча,
Кривого меча правосудия.
Грядет, грядет!
Чело его увенчано лавром,
Поступь его тяжела
От славы былых расправ.
И отшатывается народ,
Согбенный под страшным грузом
Ненависти и мольбы.
У жреца свои дары
Деве Возмездия.
Он срывает с чела
Лавровый венок, что сироты
В тени могильных крестов
Скорбно ему сплели,
Он распускает венок
И, зажав черенок в левой,
Правой рукой оголяет

Благоуханную ветвь.

И сыплются, сыплются листья

К стопам непорочной богини,

А один — припадает к челу

Дремлющего ваятеля.

Но тот, околдованный грезами,

Спит и не чует

Прикосновения славы.

1908

КРАСНОЗЕМ

Вот на столике в глиняной чашке

Горсть земли, горсть земли, привезенной

С поля дальней отчизны.

Тот, кто мне подарил ее, думал,

Что вручает мне сердце, не зная,

Что вручает мне тысячи тысяч сердец

Наших предков. Часами, часами

Я гляжу на нее молчаливо

И печально. И чувствую, словно

Взгляд мой корни пускает в ту землю.

Может быть, ее цвет красноватый

Не причуда природы.

Может быть, словно губка на ране,

Эта почва впитала

Соки жизни и солнца

За века, что армянской была.

Может быть, еще слышен в ней шорох

Древней славы народа,
Полыхают багровые искры
От подков, чьи удары взметали
Пыль побед вокруг армянского войска,
Чую в ней изначальную силу,
Что по вздоху сложилась
В мой дух, в твой дух и дала нам,
Словно бы отделить нас замыслив,
Темно-карие очи — всем,
Силу страсти, стремительную, как Евфрат,
И вложила нам в сердце — всем —
Жар любви и неистовство мысли.
Погляди, в ней рассыпаны искры
Богатырской души, что слезами
Юных дев перемыты в чешуйки слюды.
В ней есть атомы Гайка, частицы Арама
И зеницы Анании,
Просветленные плеском созвездий.
То не горсточка в глиняной чашке —
То народ, восстающий от сна,
И ко мне обращается он
От основ естества плодородья,
Укрепляет мой дух, засекает его
Краснопламенной пылью,
Словно ливнями звезд-метеоров,
И дрожат мои жилы
Трепетанием общим,
Что для нивы раздумий

Благодатней весеннего ветра.
И я слышу, как души, из крови восстав,
О возмездии шепчут.
Эта горстка, хранимая мною, —
Так мой прах берегла бы душа,
Повстречайся он ей на ветрах
После смерти моей, —
Эта доля Армении нашей,
Эта память борцов и изгоев,
Этот дар-талисман
Мне когтит беспокойное сердце
И когда я над книгой склоняюсь,
И когда я смеюсь и люблю,
И когда над стихом торжествую.
И, его повинуюсь указу,
То рычу я, то плачу,
То оружие в ладони сжимаю, то душу.
1908

СЛОВА ТОСКИ

Пишет мне мать: «Как там тебе, одному?
Весть мне подай, сладки ль чужие дожди?
Весть мне подай, скоро ли сына прижму
Я к материнской груди?
Хватит тебе у незнакомых людей
Стыть без тепла и без родного огня.
Хватит душе, вскормленной грудью моей,
Сохнуть вдали от меня.

Я всё пряду, а уж пора на покой.
Саван плету из материнских седин.
Очи мои просят, чтоб чуткой рукой
Ты их закрыл, о мой сын.
С прялкой в руках сяду с утра на порог,
От журавлей весточек жду я весь день.
Ивушка та, что посадил ты, сынок,
Шлет мне отрадную тень.
Наперечет в нашем селе смельчаков.
Вечер придет — кормят их мать и жена,
Поздний пастух гонит овец и коров,
Я ж всё одна да одна.
Печка дымит — ну, хоть совсем не топи,
Дом наш осел, ветер сквозь щели свистит.
Я пред бедой — как черепаха в степи:
Кто здесь меня защитит?
Нынче весной снова громили село.
Вышибли дверь, камнем разбили окно.
Надо чинить. Так что, покуда тепло,
Тут тебе дела полно.
Хлев еще цел, тот, что за садом. И в нем
Спрятан баран так, чтоб воров не смущал.
Помнишь, сынок, как ты из рук ячменем
Матку его угощал?
Где мне косить! Но на него одного
Хватит сенца и в прошлогоднем стогу,
Я уж кормлю, холю-лелею его
И для тебя берегу.

Ты приезжай, дом свой родной оживи,
Старость мою светом очей напои.
Вымою я в теплой бараньей крови
Стертые ноги твои».

1908

СТАРЫЙ ЖУРАВЛЬ

У речушки, на гальке шуршащей,
Выгнув длинную шею,
Под крыло клюв он сунул и смотрит,
Уходящую жизнь провожает
Угасающим взором.
Без него на рассвете
Унеслась журавлиная стая.
Он следил, как она удалялась,
Как заучивала на лету,

296

В поднебесном просторе курлыча,
Вести, вздохи, приветы
Для ушедших в чужие края.
Одинокий журавль умирает
Блеклым утром осенним.
Ах, навеки прощайте, мечты
О весне и о воздухе теплом
Под могучим парящим крылом,
О тенистых и звонких протоках,
Где по тине шагается вольно
У зеленой стены тростника,—

Ах, навеки прощайте, мечты!
Он, столетний армянский журавль,
Утомился от странствий,
От печального долга — нести
На чужбину для странников слезы.
Сколько жен свои жаркие вздохи
Журавлям доверяли!
Сколько вдов сыновьям поцелуи
Слали с птицами в дальние страны!
И теперь он последним усилием
Порывается сбросить,
Сбросить с крыльев народное горе:
Клятвы, вздохи и тайные слезы
Нецелованной чьей-то невесты,
Подурневшей в разлуке,
Чьей-то бабушки благословенье
И молитву святую, —
Порывается сбросить.
И на сером речном берегу,
Распластав свои крылья,
Он прощально курлычет,
И летит над родными холмами,
Над селом разоренным
Хриплый крик — как проклятье изгнанию.
Вот он падает. Гальку речную
Он могилой себе избирает,
Красный клюв он вонзает под камень,
В обителище жабы.

Содрогаются гибкая шея,
Тихо плещется речка,
Стынет мертвая птица...
А змея водяная
Всё смотрела, смотрела,
Наконец поползла, подчинившись
Зову мести змеиной,
И, броском на упавшего прынув,
Обвила его мертвую шею.
1906

ПРАЧКА

Мужа у ней зверски убили в резню,
Вечная память ему.
В люди пошла... А каково-то сынку
В люльке лежать одному!
Темный подвал, лужи, туман, духота,
Свечка мерцает едва.
Тут в семь потов маяться ей, засучив
Белы свои рукава.
Ох, молода, ох, и красива она!
Пара приманчивых глаз,
С горем борясь, пряча заботу и боль,
С вызовом смотрит на нас.
Ей бы сейчас жар материнства святой
В полную силу вдохнуть!
Мужа к любви, а малыша к молоку

Манит высокая грудь.
Но ведь нужда, горькая гонит нужда
В сырость, помои и грязь.
Ради сына, — господи, сжапись над ним! —
Мать от себя отеклась.
С горя темно, не с безоконья темно
Ей в этом душном мирке.
Сбилась коса, туфли промокли насквозь,
Шрамик на голой руке.
В чане сопит, пухнет в крутом кипятке,
Мылом плюется белье.
Грязи чужой в жертву приносит она
Сердце и тело свое.
Мыло не в счет, щелок едучий не в счет,
Тяжесть не в счет, хоть не сдвинь, —
Бел ее лоб, ах, ядовитая жжет
С мужнина гроба полынь.
Юный свой стан гнет над корытом она.
Значит, такая судьба.
И к молоку, липнут к ее молоку
Капельки пота со лба.
Дома у ней холодно, пусто, темно.
Малый сынишка не спит,
Голоден он, соску не может найти
И, задыхаясь, кричит...

1906

НАКАЗ

Плащ ты накинул и посох взял в руки, прощай.
Истосковалось по родине сердце твое.
Землю родную увидишь, покинутый край,
Наших сестер, матерей и родное жилье.
Вот моя просьба: родимым местам поклонись.
Палке завидую, сумке дорожной твоей!
Там, на кремнистом пути, где струится Алис,
Встретишь селенье: войди в него, странник, скорей.
Встречный малыш босоногий тебя проведет
К дому, где вырос я, рядом с прозрачным ручьем.
Голубь на крыше воркует весь день напролет,
Мак огнецветный горячим пронизан лучом.
Мать перед дверью за прялкой увидишь, спина
Сгорблена; рядом с ней греется старенький кот.
Или над ульем пчелиным склонилась она,
Кажется, пчелам в усердье пример подает.
Женщине этой от сына привет передай,
Странник, старушке от странника-сына — привет.
В дом мой войди, плащ, пропитанный пылью,
на край
Лавки смахни, — в мире гостя желаннее нет.
Сядь за давно опустевший рассохшийся стол...
Мать принесет тебе теплый лаваш и еду,
В потном зеленом кувшине от бедствий и зол
Лучшее средство — вино; пей, забыв про беду.
Друг, отдохнув, наконец развяжи узелок
Скорбных рассказов о жизни в другой стороне,
Это письмо передай моей матери, строк

Несколько в нем; Расскажи ты ей всё обо мне.

Это письмо попроси ее благословить.

Черное пусть покрывало наденет, но свет

Да не померкнет, проси ее дух укрепить, —

Друг мой, в письме этом я написал свой Обет.

1908

В БОЙ

Поднимайся, армянка! Идем!

Ты, орлиная дочь, что на горной скале

Вырастала под грохот стремнин,

Поднимайся на праведный бой!

Надвигается враг, он задумал убить

Жизнь в полях и мысли в умах.

Еще солнечный луч не упал на ростки,

По нему уже бьют топором.

О любимая! Как я тебя люблю,

Если будут бок о бок скакать

Кобылица твоя и мой конь вороной.

Брось свой ткацкий станок, чей размеренный шум

Пробуждал в твоём сердце щемящий напев!

Брось и кровлю, где ты под ветрами цвела

И печалилась, слыша, как где-то вдали

Куropатка кричит,

На которую коршун напал.

Вспомни гору, где мы повстречались с тобой,

Где за светлую розу я принял тебя.

Нынче ночью мы спустимся с этой горы

На конях боевых,
И кромешную тьму
Озарит только молния мести в глазах,
Пусть рассыплется косы твои по плечам,
Пусть в них буря поет
Свою древнюю лютую песнь!
Мы пришпорим коней,
Их горячий галоп для боев укрепит
Прежде нежную руку твою.
И пусть будет раздавлен копытом коня
Тот цветок, что украсить бы грудь твою мог,
Потому что всей нежности прежней твоей
Предпочту я разящий, как огненный вихрь,
Как удар громовой, поцелуй.
Неужели, увидев, как я вывожу
За печальными строками строки тоски,—
Ты решила, что вечно унынье мое?
Неужели решила, что я не могу
Превратить скрип пера в свист стального ноиса,
А чернильницу — в сердце врага?
Я умею мечтою своей управлять,
Я сорву с нее нежный наряд ветерков,
Я в жестокую бурю одену ее!
Если рядом я слышу стенанья и плач
И предсмертные крики безвинных людей,
Прочь, бумага и книги! В бурлящий огонь
Я творения Данте швырну,
Я Дуряновы строфы засыплю землей,

Как бы я его ни любил.
О красавица милая, знаешь ли ты,
Как к слезам равнодушен наш мир?
Погляди — он наелся и спит.
Продает в небесах свои ласки Астхик,
А Фемиду насилуют сто раз на дню,
Чтобы Вакхов рождала она, а не месть.
А внизу, в нищете и в крови,
Ждут нас с тобой!
И недаром я взятый с собою колчан
Громовержца стрелами набил.
И теперь я сильнее, чем коварный Эрот,
И суровой судьбы роковой,
Ибо дева — мой друг,
А любовь пролагает мне огненный путь.
О подруга, могучей орлицею стань,
Ибо друг твой — воитель теперь,
Ибо мысль повела тебя в бой!
Я, быть может, погибну в том страшном бою
Ну, и что ж! Я мечтаю давно,
Чтобы кровь одеялом покрыла меня,
Чтобы конь мой убитый лежал в головах,
Лишь бы мне отомстить, а потом умереть, —
Я мечтаю об этом давно.
Пусть увидит, увидит луна,
Как я трижды наполнил кровью врага
Прародителя Гайка шелом!
А потом пусть умру я от ран.

Пусть однажды проснется душа,
Шевельнется в родимой земле
И увидит, что сыт сирота,
Что без страха ведет землепашец свой плуг,
Что свободою дышит мой край!
Пусть потом я навеки усну.
У могилы моей не совьется змея,
Незабудки Армении будут синеть,
Лев придавит шакала к земле,
И положит у камня поклон,
И поднимет свой взор к небесам,
И во всю свою мощь зарычит.

1905

КОЛЫБЕЛЬ АРМЯН

Есть хата; в ней — колыбель;
Из кипариса она.
Вкруг дико воет метель
И сов насмешка слышна.
Со сводов виснет седых
Бус синих-синих овал.
То слезы неба, но их
Жестокий холод сковал.
Там копоть, сырость, капёль...
И там безмолвно в тиши
Качается колыбель,
Как мечь в глубинах души.
То — место, где армянин

Мятежных кормит детей,
Где цвет лобзаний — один:
Кровавой розы алей.
Там нежных слов не слышать,
Под песнь любви не уснуть:
И мгла там — строгая мать,
А молний вспышка там — грудь.
В слезах, лишенный всего,
Ребенок должен там жить;
Там случай зыблет его
И друг приходит кормить.
Но там, под синью тех бус,
Герой, быть может, сокрыт,
Как в яслях спал Иисус,
Освободитель там спит!
1905

РОДНЫЕ ГОРЫ

О горы, горы мои! Кто сосчитает ваш век?
Короной — солнце для вас, плащом — туман ледяной,
Лежит на ваших плечах седыми прядями снег,
Сверкающий под луной.
А ваши гордые лбы лобзает, радуясь, бог.
Течет небесная синь на склон ваш, темен и крут.
У ваших синих озер спокоен сон и глубок,
В их глади звезды цветут.
Весной из тайных пещер под вой свирепых ветров
Бурливо реки бегут и пена брызжет, седа,

Они спешат разостлать узор цветущих ковров
Внизу, где бродят стада.
Обвив гранитные лбы, змеится молнии жгут
И поджигает леса, которым сотни веков.
Добычу прямо со звезд орлицы там достают
И воду пьют с облаков.
Благословение вам! Вы наших предков гнездо,
Вы ниспослали им свет развеять дикость и тьму,
И, шкуры тигров надев, они сошли на плато,
Волов пригнули к ярму.
Средь вас в ненастную ночь наш первый царь проскакал,
Ведя на персидский стан отважный свой легион.
Заслышав ржанье коня, сползли драконы со скал
И скрылись в бездне времен.
Благословение вам! Здесь Просветитель Трдат
Нашел под влажной скалой суровый, но верный кров,
Здесь ладан отшельник жег, святою думой объят,
И здесь читал часослов.
Здесь плоть поруганных дев секлась о скальную твердь
Затем, чтоб цветами стать под ясным лучом зари,
Здесь шли в монахи цари, почуяв близкую смерть,—
Титаны, а не цари.
И золотом, и серебром утроба ваша кипит,
И серьги для знатных жен творил из них златодел,
Для бога — чашу и крест, а для решающих битв —
Смертельные жала стрел.
И мрамор в вашей груди в пласты створожился встарь,
Своей трудовой рукой добыли его отцы

На многоколонный храм и непорочный алтарь,
Где службу несли жрецы.
Здесь город строил Ерванд, здесь храм возводил Ерваз
И ставил мраморный фриз, сверкающий, как Масис.
И мрамора красота сама вдохновляла нас.
Вела строителей ввысь.
Поставил мосты Аршак и перехитрил Евфрат,
Не помня себя со зла, поток их тщетно крушил,
Стоят до сих пор мосты, макая в пену наряд
Свой из ежевичных жил.
Царей Аршакидов прах в гробницах свято блюдя,
Укрылся в вашей толпе отшельник — город Ани.
Дубравою поднялись, корнями в тот прах уйдя,
Рубаки Багратуни.
О горы, горы мои! С вас бури стерли, увы,
Подобья древних богов, героев наших черты,
Не смолю Зевсовых косм, а черным платом вдовы
Венчает туча хребты.
Так пусть, опомнившись, к вам придут Потомки отцов,
Добудут крылья орлов, в просторы неба взлетят!
Пусть камни дедовских стен сберут для новых дворцов,
В оружие гром обратят.
Мы можем только у вас свою свободу найти,
Где бездн крошащийся край судьбе нас учит дерзить,
Где звезды учат любить, где розы учат цвести,
А водопады — разить.
Так пусть Потомки отцов средь вас раскинут свой стан,
Нальются крепостью скал, напьются солнца огнем!

Ведь только вольный храбрец, добыв утес-великан,
Столицу ставит на нем.
Так пусть стопы храбрецов на древний кратер взойдут!
В нем тайный пламень кипит, источник силы отцов.
И пусть ваш мраморный клад Потомки вновь обретут
Для статуй наших борцов.
1908

ПАСТУХ

(Поэма)

1

Весною в горы уйдя, он возвращался в село,
Когда по жухлой траве ноябрьским снегом мело,
А я, внучонок его, с утра торчал на дворе.
Едва завидя овец на малой ближней горе,
Бежал встречать пастуха, навстречу деду бежал.
Меня, в объятьях подняв, на ослика он сажал,
И под колокольный звон, к вечерне зовущий мир,
В свое родное село победно вступали мы.
О, этот прекрасный час, когда под родимый кров
Вливается, топоча, поток священных даров!
И вот в знакомый загон свернула эта река,
И ходят, как волны, в ней овец крутые бока,
Бараны гордо влекут тяжелые курдюки,
Ягнята катятся в хлев, как шелковые клубки,
А козы еле идут, так натуго налиты
У них молоком сосцы, побитые о кусты.

Блеянье и запах гор, катясь пред стадом волной,
По-свойски справлялись вмиг с дремотною тишиной.
От грозных косматых псов, едва заслышав их рык,
Крестьянская детвора скорей за калитки — прыг!
А кучка древних старух с проворностью черепах
Скрывалась под панцирь стен, засовы лишь — дзвень
да бах!

И вот являлся пастух, величественный, как князь,
Огромный посох его втыкался с чавканьем в грязь,
Его тяжелый башлык скрывал лицо, как шелом,
Букетик синих цветов сиял звездой на нем,
Медвежий черный тулуп горой стоял на спине,
Болталась сбоку сума на сыромятном ремне.
Огромен и величав, он так и входил во двор,
И запах шел от него нехоженных влажных гор,
Целуя, меня снимал с потрепанного седла.
Природу моя душа в том поцелуе пила.

2

Зима. На дворе метель.
А возле печи — покой.
В овчарне тоже покой еще на месяц-другой,
Оттуда лишь сена хруст доносится до крыльца
Да редко — протяжный крик, когда рожает овца.
Свою пастушью суму старик повесил на гвоздь,
Овечьим сыром она пропахла круто, насквозь,
А кошка, спрятавшись от моих назойливых игр,
К пастушеским постолом крадется тихо, как тигр,
И, ежась, нюхает кровь, ее расплывшийся след,

Что там с тех пор, как убил в горах волчицу мой дед
А мама дремлет в углу, пекла нам с ночи лаваш,
Порой очнется, крестясь и бормоча «Отче наш»,
Когда ударит, как гром, лавина снега в горах
Иль ветер взвояет в трубе и схватит за душу страх.
И я, припав к старику, шепчу всей силой души:
«Ой, дед! Ты обещал. Про горы мне расскажи».
И дед меня в свой тулуп укутывал с головой,
И с первых же слов его стихал пугающий вой.
«Ах, внучек! У нас в горах, когда зайдешь высоко
(Вот вырастешь и со мной отправишься далеко,
Тебя я петь научу, свою волынку отдам),
Там много всяких чудес, ты все их узнаешь сам».
И, крепко меня обняв, старик начинал рассказ,
Кончавшийся лишь тогда, когда наш светильник гас.,
Случалось ли вам в горах забраться под небеса,
Туда, где стоят стеной сомкнувшиеся леса?
Лишь буря вонзает в них громов топоры белы
И сносит к селу поток ободранные стволы.
Случалось ли вам в горах забраться в тайный приют,
Где ведьмы доят волчиц и эту отраву пьют?
А после на лунный свет выходят петь и плясать,
Заманивать пастухов и в пропасти их бросать.
Случалось ли вам бывать на сочных горных лугах,
Где бабочки, утомясь, сидят у коз на рогах,
Где солнце, как древний царь, по скалам, как по плечам^
Идет и сыплет лучи молочно-белым ручьям?
Случалось ли вам попасть под стылый туманный пар,

И выбраться из него у самых дальних кошар,
И встретить там у костра спокойного пастуха,
Который мирно сидит на куче рыжего мха
И сушит возле огня тяжелый влажный тулуп
Иль обувь ладит взамен побитой о скальный зуб?
Случалось ли вам смотреть, как режет пастух козла
И льется на камни кровь, пузырчатая и алая,
Как жарит он шашлыки и запах тех шашлыков
Изводит за полверсты голодных, как смерть, волков?
Случалось ли видеть вам, как с неба падает гриф
И, в шкуру того козла кривые когти вонзив,
Взмывает с ней в небеса и там исчезает вмиг?
Так вот про это про всё рассказывал мне старик.
Я слушал дух затаив, как сердце его стучит,
А если он умолкал, я слушал, как он молчит.
И, словно великий бог, был свят для меня старик,
Он добр был, как наш народ, хотя порою и дик.
Огромен, седобород, могуч, и ростом высок,
И духом неукротим, он был и вправду как бог.
Лежал у него на лбу морщин узор непростой —
Его навели дожди и солнца плуг золотой.
А дедова грудь была как будто глыба-алтарь,
Где идолам всех стихий мы жертвы сжигали встарь.
В косматых его бровях блуждали запахи гор,
И, тычась в них, я вдыхал высокий влажный простор
И с миром в сон уплывал, и крепла моя душа,
Как крепнет на всех ветрах у рек стена камыша.
И так я за ночью ночь стал жизнью его богат,

Как вечно богат огонь, впитавший масло лампад.
А ветер снаружи выл, считая свои часы.
У теплой печной трубы на кровле ютились псы
И выли по временам в искрящейся белой тьме
В ответ голодным волкам на ближнем лысом холме...

3

Весна.

На кровле у нас — веселой лужи приют,
И голуби там, возясь, воркуют и воду пьют.
Бежит оттуда капель, сбивается в ручеек,
А тот, обогнув порог, сбегает в общий поток,
А тот уже за селом сливается с день-деньской
Ревущей среди камней, набравшей силу рекой.
А солнце всё веселей, и вот, свежа и жива,
По рыжим склонам холмов пошла толпиться трава.
Волнуется дед-пастух, встречает ветер у дверей,
А тот и рад поиграть у крыльев старых ноздрей.
О, сладок запах земли! Томит он дух пастуха.
Вот так невеста поет, сводя с ума жениха.
Когда почует душа хмельные песни весны,
Ни крыша над головой, ни печка ей не нужны,
И пламенный образ гор, что был в зеницах сокрыт,
Теперь в глазах пастуха светло и жарко горит.
И вот берет он тулуп, и вот волынку берет,
В которую звездный рой приносит свой терпкий мед,
И матери говорит: «Сбирай-ка мое добро.
Ступай, ворота открой. Иду я в горы, Маро».
Счастливо шагает дед, ступает и дышит всласть,

Пред ним отара овец долиною растеклась,
Им вслед тоскливо глядит мгновенно забытый хлев,
Кругами носятся псы, от радости ошалев,
И лают на трех орлов, с небес глядящих на них,
И с яростью зимних блох выкусывают своих.
А я? Мне дома сидеть? Нет, больше я не могу!
Что силы в моих ногах я вслед за дедом бегу,
Я руку его ловлю и чуть не плача кричу:
«Ой, деда! И я с тобой! Я тоже в горы хочу!
Я белый горный цветок хочу в отрогах найти!»
— «Ты мал, — отвечает он. — Устанешь на полпути.
Тебе туда не залезть. Ступай-ка домой, герой».
Вот войско его и он скрываются за горой,
Я, всхлипывая, бреду назад в село, одинок,
Но ветер слезы мои сдувает мигом со щек.
Дитя не помнит обид, ребячьи мысли чисты,
И вот я для мамы рву простые наши цветы
Иль бабочку ей ловлю дыхание затая...
Нет, больше я не могу! О, память, память моя...

4

Когда пришел он назад, закат за нашим селом,
Кровав и крив, догорал над совершившимся злом.
Ни колокол не звенел, ни дым средь-яблонь не стыл,
Никто на нашем гумне не веял, не молотил.
Шагал старик из селу, как будто бы сам не свой,
Дивясь сплошной тишине, зловещей и гробовой.
Почто не вьется у ног на улице детвора?
Почто не видно старух, хотя это их пора?

Мертвы стояли дома, остатки кровель клоня,
За сорванными дверьми ни голоса, ни огня.
Где прежде был сеновал не счесть уж который год,
Там серый пепел кружит и дохнет облезлый кот.
Старик глаза опустил и ус поседевший грыз,
Его охватила скорбь, дрожал он, как кипарис,
И стадо, будто поняв: беда стряслась с пастухом, —
Притихло и еле шло, стеснившись в единый ком.
Хозяину своему заглядывая в глаза,
Тревожно съежились псы, как будто вот-вот гроза,
Они спешили издать свирепый рычащий храп
И землю беды скребли ударами задних лап.
И вот он увидел дом, знакомый стертый порог,
Цветок со шлема сорвал и бросил наземь цветок,
Ступил на цветок, вошел...

5

А дом его не встречал.
Ободранный и пустой, дом, как пещера, молчал.
Ларец с деньгами разбит, с иконы сорван оклад,
Комочками на полу раздавленный виноград,
С лампадным маслом бутылъ, расколотая, в углу,
И масло, наш зимний свет, расплеснуто на полу.
Мама моя лежит, растрепанная, ничком
Перед потерявшим жизнь, разметанным очагом,
И глухо плачет она, истоптанная бедой...
Прошел в свой угол и сел у стенки пастух седой
И долго-долго молчал, а нежный блеск с его глаз
В одно мгновенье сошел, теперь в них ярость зажглась,

Ужасный черный огонь зрачки накалял теперь.
Пастух недвижно сидел, угрюмо глядя на дверь,
Он долго понять не мог, седой простой человек,
Какими волками здесь устроен этот набег.
Но вот постепенно мысль, от горечи тяжела,
Ощерившейся змеей в рассудок его вползла,
В покой пастушьей души срыгнула черную слизь, • 1
Морщины на лбу его надулись и собрались,
Издав усталый пастух глухой и короткий стон,—
Всё понял он наконец, и принял решение он.
Вскочил, как раненый зверь, хрипя и злобно рыча,
И грива его, седа, рассыпалась на плеча.
Великий праведный гнев душил и тряс старика,
Он был подобен грозе, идущей издалека,
Вначале перед собой несущей темный покой:
Оцепенев, деревья в нем застывают с тоской, —
Но вот по склону горы шагает вал ветровой,
Трещат и стонут дубы, клонясь пред ним головой,
Вот вспышкой глаза слепит пронзительно синий свет,
Пронзительно желтый свет, а грома всё нет и нет,
И вот ударяет гром, и вздрагивает скала,
Драконья туша его чудовищно тяжела,
Несется из-под когтей томительный лязг и треск,
И льется стеной вода под молний слепящий блеск.
Так было и с пастухом. «Маро! — гремел он. — Маро!
Вставай, Маро, да скажи, кто тронул наше добро?
Попомни, поганный пес! Попомни, зверь-кызылбаш!
Всё то, что ты проглотил, ты, кровью блюя, отдашь!

Вставай, Маро, да суму, что кинул я у дверей,
Набей мне литым свинцом на самых лютых зверей!
Вставай, Маро, да подай, подай оружие мое —
Не посох овец гонять, а дедовское ружье!
Оно в овечьем хлеву! Сними распятие Христа!
Там щель, а в щели ружье прикрыто куском холста.
Я в горы опять иду, я всех волков созову,
Я буду мстить за сирот, я буду мстить за вдову!
Я — старый горский пастух, а пастуху не к лицу
Смотреть, как ворюги жрут украденную овцу!
Изгадили мой очаг! Ну что ж — значит, мой черед!
Я выжгу логово их! Пусть пепел на них падет!»
Умолк, осмотрел ружье, слегка ремень подтянул,
Мешочек с порохом взял, на стадо и не взглянул
И прочь зашагал. А я за ним помчался стрелой,
Воздев кулачки, крича: «Возьми меня, дед, с собой!»
Приостановился дед, взглянул и увидел он,
Что я подрос и окреп, что я, как львенок, силен,
Что воин во мне растет — не смирный трудяга-вол, —
И за руку взял меня и в горы с собой повел.
Возмездье питает нас, и смерть мы несем врагам.
Среди скалистых теснин и по высоким лугам .
Он, старый, шагает в бой, я, малый, не отстаю —
Волынку его несу и славу его пою.

1907—1908

ИЗ КНИГИ «ЯЗЫЧЕСКИЕ ПЕСНИ»

ИЗВАЯНИЮ КРАСОТЫ

Я хочу, чтобы мрамор твой белый

Из нутра Олимпа был вырыт.

Мой резец явит зрячему миру

Хмеля полное женское тело...

В глубь очей твоих падая, истину

И бессмертье находят там люди.

Лик твой чист. Совершенные груди

Соком жизни томятся таинственно.

Будь нагой, как душа у поэта.

И языческой той наготой

Нам терзаться, не смея при этом

Прикоснуться к тебе. Пред тобой

Мне зарезанным быть — быть мне жертвой.

Выжжет кровь мою мрамор твой щедрый.

1911

. ВАНАТУР

Праздник новых плодов в честь

приносящего всё бога Гостеприимства Ванатура.

Агатангелос

Ты направляешь тучного вола

Через свои державные владенья,

О Ванатур, ты пережил великих

Богов, чьи жертвенники порости

Успели мхом, лишь ты один остался

Бессмертным, как земля или огонь,

Как соль морских пучин.

Из складок алой мантии твоей
Еще не выветрился винный запах —
Дыханье новогоднего веселья.
Века опустошительных нашествий ' Не погасили радостного блеска
В твоих глазах, и не от горьких Дум,
Не от уныния твои морщины —
От красногубого хмельного смеха.
Когда ты по-хозяйски объезжаешь
В туманном месяце, в цветочной дымке
Поля родные на своем воле,
Ты обещаешь материнство пашням,
Принявшим семя жизни.
И вновь весна, и снова утро жизни,
О Ванатур, и о твоем венке
Сиреневые ирисы мечтают.
И не твоим ли полнокровным жилам
Под стать лучи, что сходятся к тебе?
Трава в росе, в траве белеют камни,
Дым деревенского жилья похож
На облачко священных воскурений.
Мне хочется гирляндами из роз,
Подвесками, игрою самоцветов
Украсить шею твоего вола,
Что мордой тянется назад и лижет
Твои босые ноги.
Его мычанье проникает в норы,
В пещеры, будоража сонных змей,
Будя медведей.

Жизненная нега

Пробиться рада звонким родником.

Наяды подставляют

Свои кувшины мраморные звездам

Для меда, голуби, роняя с клювов

Жемчужины, воркуют над ручьями,

Довольные купаньем.

Смейся, смейся

Своим языческим задорным смехом,

О Ванатур!

Природа, сняв покровы,

Страхнула сон, и в поднебесье

Расправил крылья безграничный праздник

Гигантским лебедем, трубящим славу

Тебе,, непобедимый Ванатур.

И вот в свои права вступает лето

Необозримой ширью русских нив.

О Ванатур, венчай себя снопами!

Твой вол копыта погружает в море,

Которым разливается пшеница.

Благословенный трепет полнит гнезда

В кустах, отяжелевших от цветов,

И жаворонок в небе трель рассыпал.

Твоим живительным благоуханьем

Овеяны зеленые холмы.

Заря, проснувшись,

Уступает ложе

Луне на плоской деревенской кровле,

И пряный воздух выдыхают ветки,
И даже пепелища заросли
Крапивой с мальвой.
Под ивой в жертву приношу козла,
Чья шерсть разделена пробором
На два густых потока светлых нитей.
Он паса, Ванатур, в твоих священных
Садах и огородах.
Пей, ненасытный, жертвенную кровь,
Рви теплую козлятину зубами,
Как на былых языческих пирах,
И пусть тебя над колосистой нивой
Серпы и косы славят.
Вот осень в изобилии даров,
В триумфе зрелости, в напоре соков.
По праву увенчай себя лозою,
О Ванатур, возьми свое копье
С побегами цветущими на древке.
Деревья — точно женщины на сносях,
И кольца пней слезятся сладким клеем,
И затвердели косточки плодов,
Как сгустки жизни
Семенем твоим.
Твой вол слюну разбрызгал над полями,
И полнятся амбары —
Благодатью,
Пузатые кувшины —
Ликованьем...

Пусть вдоволь будет твоему волю
Ячменных звезд.
А ты, розоволицый,
Кровь с молоком, неугомонный бог,
Подставь поближе свой бездонный кубок —
Я кровью осени его наполню
Над родником.
Хочу, чтоб ты смеялся,
О Ваиатур, хочу, чтобы плясал,—
Пляши и смейся, бог гостеприимства!
В сквозных садах, таинственно скользя,
Мелькают нимфы,
Девушки, наполни
Гранатовыми солнцами подолы,
Торопятся в святилище твое,
Ведь из богов лишь ты один бессмертен,
Как соль морских пучин,
И среди зимней скуки
Перед родными очагами струны
Благоговейно о тебе поют.

1911

КЛЕОПАТРА

Словно месяц на небосводе,
Та ладья средь речных зыбей...
Чернокожий певец заводит
Песню нежную, стоя в ней:
«Скользи, лодка, скользи быстрее,

Я рабом твоим, лодка, буду;
В твоем чреве, цветка пышнее,
Скрыто то, что подобно чуду.
Перламутровые, царица,
Весла ярко твои горят,
И алмазная серебрится
Пыль на них, восхищая взгляд.
Скользи, лодка, скользи быстрее,
Все прекрасное славят имя,
Нет царицы рук нежнее,
Хочет Рим быть закован ими.
Блеск чела твоего, царица,
Отражает, плещась, волна,—
Так хотела бы отразиться
В Ниле вкрадчивая луна.
Скользи, лодка, скользи быстрее.
Пышный берег, цветущий сад.
Из прибрежной оранжереи
В лодку с ветви упал гранат.
Уж не сон ли волшебный снится?
Семь служанок, как семь сестер,
Над твоей головой, царица,
Натянули цветной шатер.
Скользи, лодка, скользи быстрее.
Ожерелья в глухих футлярах
Шелестят, как волна, не смея
Рассказать о волшебных чарах.
О царица, благоуханье

Твое, слаще любого зелья,
Разбудило на расстояние
Змей, скрывающихся в ущелье.
Скользи, лодка, скользи быстрее,
За туманом Тарсон маячит;
Сколько факелов, пламенея,
С копий свет свой струят горячий!
В воду руку свою царица,
Отвернув от реки лицо,
С лодки свесила: не боится,
Что с руки соскользнет кольцо.
Скользи, лодка. Семирамиды
Сад над бездной, она была
Только лилией глянцевиной,
Ты же — розою в нем цвела.
Ярче всех маяков на свете
Бриллианты в твоей короне.
Как мальчишка, тобою бредит
И любовью горит Антоний.
Скользи, лодка, скользи быстрее,
В твоём чреве плывет Исида
С жемчугами на смуглой шее,
И сиянье вокруг разлито.
Тебе кланяются, царица,
Рим и грозные легионы,
Самый смелый тебя боится
И трепещет, как куст зеленый.
Стой же, лодка, замри скорее.

Клеопатра по сходням вниз
Сходит на берег — вслед за нею
Струны дернулись — порвались».
Поцелуй на ветру так жарок,
Ночь таинственна и нежна.
Он подносит ей Рим в подарок,
Пирамиды ему — она.

1911

АНАИТ

Над капищем трава.
Кровавая струя
Из жертвы более не бьет безгласной.
Нет ладана. Лишь амброй чешуя
Благоухает, змейкой сброшенная красной.
А я, усталый путник, тут, среди руин.
Мой конь, почуявший Ваагна кобылицу,
От похоти неутоленной злится,
Но бог с небес так и не сходит ни один.
Исчезли вещие жрецы в лесной глуши —
В живом и шелестящем изумруде.
И, лютни Вруйра, не поют
твои божественные груди»
Вокруг же капища рыдают камыши.
На твой хитон уже газели ни одной,
Ужаленной стрелой,
не лить прощальной крови.
И стынет статуя в музее, не готовя

Себя к свиданью с новою весной.
Однако жить всегда ты будешь, Анаит,
Не на земле, а в небесах высоких.
Взойдет луна, и ты с ней.
Оживит
Чело святое полумесяц златорогий.
Тебя меж звезд я вижу.
Льется свет
Вниз, в воду, из сосцов.
И лани жажду
Там утоляют.
С мордочек их влажных
Лучи стекают, оставляя след.
Ты глянешь вниз — взор барышню притянет.
Кувшин вакханки упадет, стоявший на плече.
А дева истово молиться станет
В постели, на коленях, при свече.
Лук и колчан — они всегда с тобой.
Бесшумно правишь лунной колесницей.
И жизнь в лесу уже готова пробудиться.
И воет волк ночной на факел твой.
Луг в грезах, и бутоны алых роз
От стрел твоих твоими же раскроются устами.
Кипят и бродят соки неустанно * В саду старинном, что давно зарос.
Идешь — твои сосцы лучи струят.
Но чтит народ земную власть, а божью — реже.
И ветер с волнами столетия подряд
Губили храм на керсонесском побережье.

Ночами гончий пес твой тягостно скулит.
Идешь меж звезд, и полумесяц на челе сверкает.
А пес на алтаре сидит, страдает —
Глядит на небо и скулит. О, Анаит!

1912

САТУРНАЛИИ

И снова в городе над морем
Запаливают факелы:
Город
Сполохами огней, как проститутка
Камнями драгоценными, сверкает.
Умолкли молоты на наковальнях,
Не слышно визга пил,
Вечерний город
Вином из разбитого кувшина
Пузырится в своих страстях пурпурных,
Охваченный чувственной горячкой.
С холмов переспелая лоза
Над улицами разливает запах,
И едкая морская соль
Приятно пощипывает ноздри.
Вот-вот из храмов жрицы сатурналий
Появятся, — о долгожданный час!
Проходят женщины, прибавив
К наряду две-три розы в волосах.
Приплясывая на ходу, поют
Мужчины,

Проститутка распускает
Тугие косы до пят и, в море
Кудрей купаясь, своднику-скопцу
В лицо смеется непотребным смехом.
Истомой дышит нечестивый город,
Заляпаны стены красным светом,
Гранатовое дерево оделось
Фонариками,
По мостовой
Вино течет,
И лужами слюны
И желчи заболочены пороги.
Цветочные гирлянды на дверях
Сулят любовь,
Запотели бани,
Под сводами которых млеет похоть
И тает содержимое курильниц.
В амфитеатре пенистой рекою
Струится кровь,
А в храме в это время
Приканчивают втихомолку жертву.
И в лупанариях, откуда липкий
Багровый свет сочится сквозь щели,
На ложах страсти женщины распутно
Глаза полуприкрыли, тряся
Пупками в такт далеким бубнам...
Город
Справляет сатурналии в кровавом

Тумане ночь напролет.
В разгаре праздник,
Дворцы кутят,
На площадях водят хороводы,
А по углам
Впустую брызжет сперма.
Нагим невольникам,
Которые для этого пожара
Смолу из кипящих тротуаров
Покорно извлекают,
Печет ступни.
Тот мчится с провиантом,
Тот — с полными кувшинами вина,
А этот шустрый раб
Несет венки —
Увить хмельные лбы своих хозяев.
Верзила, девку на себя взвалив,
Ее как праздничную жертву тащит
К патрицианскому столу.
Арфа
Поет вино и силу вожденья
Над городом, который чресла
На берегу раскинул — проститутка,
Вся в драгоценностях, — и освещает
Пучками факелов свои соблазны.
Твои ли золотые стрелы, Эрос,
Упав на этот город, возбудили
Бесстыдную похоть в горожанах?

Нет, ты здесь ни при чем,
Ты в этот город
Не залетал, ты пронесся мимо
По направлению к острову богов
И там с луною нежно охраняешь
Ночные бденья соловьиных пар.
1911

ПОСЛЕ ПИРШЕСТВА

Безмолвье в зале. Гости разошлись.
Светильники сияют утомленно.
Бесшумно и тягуче каплет вниз
Густая кровь из вен их воспаленных.
Струна замолкла. В обмороке стон,
В изнеможенье. Сон нетрезво дышит.
Над ртами и глазами машет он
Крылами крупными летучей мыши.
Средь хаоса стола, среди безмолвья
В кувшине грезит капелька вина.
Зубами раненный, покинутый гранат
Под свечкой — с нею — истекает кровью.
Вдруг звон в тиши — и вдребезги стакан,
Убитый наповал недавней трещиной.
Надкусан был он опьяненной женщиной —
В нее он страстью хмеля истекал.
А в вазе вянут голубые лилии.
Их духом был гусан и пьян, и сыт.
И мертвой бабочкою пышнокрылою

На стуле веер кем-то позабыт.
А там, в двери, в ночи открытой настежь,
Вздых мускуса еще не отсверкал.
Сообщничество хохота и страсти
Мертвеет где-то в глубине зеркал.
Служанка и уродливый слуга
Тут убирают и пируют ныне.
Опивки вин глотнув, хмельной слегка,
Исподтишка целует раб рабыню.
1911—1912

МЕРЦАЮЩАЯ ЛАМПАДА

Ночь победы нынче, невестка моя, —
засвети лампаду скорей.
Сын вернется с войны в родные края, —
засвети лампаду светлей.
Кони ржут у ворот в предутренней мгле, —
поднеси лампаду к двери.
Сын приехал с лаврами на челе, —
поднеси лампаду, смотри!..
На телеге темный плат кровавой..
Посвети среди темноты..
Ранен прямо в сердце мой сын-герой, —
погаси же лампаду ты.

РАБОТНИЦА

Ты каждый день проходишь под окном
Как призрак — так шаги твои легки...
На девичью головку слезы льет
Куст розы, осыпает лепестки.
Я слышу лай проснувшихся собак —
Они тебя преследуют с утра,
Мучительный твой кашель слышу я —
Он разрывает грудь твою, сестра.
Я думаю: от ветра ты дрожишь,
И хочешь спать, и снова голодна,
И, как сапфир, как иней, в волосах
Твоих блестит всё чаще седина.
Твои порвались туфли, и вода
В них хлупает... Обтрепан платья край. .
А вслед глядит цинично и свистит
Какой-то бессердечный негодяй.
Я знаю: у тебя больная мать,
В лампаде масло высохло давно,
И ты идти на фабрику должна —
Чтоб жить, чтоб в доме не было темно.
Я жажду, бледноликая сестра,
Сойти к тебе, сказать, что я скорблю,
И руку у тебя поцеловать,
И прошептать: «Как я тебя люблю!»
Твоя беда — она моя беда,
Мои — твоя болезнь и тяжкий стон..,
Еще поет в груди твоей любовь,
Как жаворонок, высью опьянен..,

Твою сберег я в сердце худобу,
Твой голод я и жажду перенес,
Я горестно люблю твою судьбу
И эти плечи в трауре волос...
Как горлицу бездомную, хочу
Тебя прикрыть — и дать свое жилье,
Надежду дать, и силу дать тебе,
И имя безупречное свое...
Хочу я сделать грудь свою щитом,
Вуалью стать для чести молодой,
Дать распуститься нежности твоей,
Гордиться неулыбчивой красой...
Дать всё тебе, что мне дала борьба,
Что мне в боях досталось тяжело...
Пусть розы — цвет победы, крови цвет —
Твое украсят скорбное чело.
Пусть голода с лица исчезнет след,
Минуй тебя болезнь и холода,
Лампады пусть не угасает свет, —
И фабрику оставь ты навсегда!

1910

УМИРАЮЩИЙ РАБОЧИЙ

Как страшно ветер гудит! Лачуга во тьме дрожит,
Она гробницы страшней...
А внутрь ее загляни: больной рабочий лежит,
Прощается с жизнью в ней.
Души своей ясный свет на фабрике он зарыл

За хлеба сухой кусок,
Машинам огромным он все мышцы свои скормил,
Чахоткою занемог...
Пучками своих волос он чистил зубья колес,
Он смазывал потом их,
У горна, где не вздохнуть, стоял он — открыта грудь,
И дней не считал своих...
И вот он теперь лежит, как срубленный кипарис, —
А прежде пахарем был...
С железом всю жизнь борьба — разбилась его судьба,
Подняться не хватит сил.
На взор его голубой могильный желтый песок
Упал как смертельный дым...
И тает тело его, кап-кап, — утекает жизнь
По пальцам его худым.
Под ветром свободным он мечтал вырастать, как дуб,
Он верил: весна близка...
Ах, верил напрасно он, что песни польются с губ
У чистого родника!
Не солнце, а липкий пот, не лилии, а зола
Его увенчали лоб...
Не песня, а тяжкий хрип, не зори в глазах, а мгла,
И смертный уже озноб...
Мать рядом — сына обняв... А кашель его — кровав. ..
И, горем ослеплена,
Всю ночь, сквозь завесу слез, струящихся, как река,
На сына глядит она...
У изголовья его висит распятие Христа,

Окрашено в красный цвет.
Еще не успела пасть и капля крови с креста—
Померк перед сыном свет...
Как страшно ветер гудит! Лачуга во тьме дрожит,
Она гробницы страшней...
А черный домашний кот мяучит, когтями рвет
Порог у шатких дверей.
(1910)

МАШИНЫ

Под солнцем летнего дня, что раскалил добела
Горящие серебром и крыши и купола,
Высоко кровли торчат — над ними дыма клубы,
Там фабрики вечный гул в широком горле трубы
Чело небес залепив как будто дегтем густым,
Вспотевшую стену там окутали пар и дым.
Там недра цехов рычат, багровым полны огнем...
Товарищ пламенный мой, с тобой мы туда войдем.
Мы бурю сеем с тобой, мы жнем страданья сполна.
О, что за шум, что за. смерч! Тут злого жара волна
Охватит сразу тебя, зальет, как серный поток...
Гремит в тумане металл, вращает зубья, жесток...
Рабочих тысячи тут, их сил никому не жаль —
Без устали ткут и ткут, их грубо ласкает сталь,
Их жизнь взлетает с огнем, чтоб гарью осесть потом...
Растягивают, грызут, победно бьют кулаком —
И цену и красоту сырью придают — и вот

Становится светом шерсть, сапфиром — рабочий пот.

И Труд сурово рычит, и ткань созидает он

Средь страшных мук родовых — как в судорогах

дракон.. ■

Со всех четырех сторон машины грохочут, ткут —

И волны золота тут в горячих трубах текут.

Машины властвуют здесь, мозгов не щадя людских, —

Как чудища, что не спят в берлогах мрачных своих.

Цилиндров толстых ряды — и каждый с раскрытым
ртом —

Возносятся к потолку и тонут во мгле потом,

Шипят, исторгая пар, в сгустившейся темноте...

Вращаются без конца гремящие в пустоте,

Угрюмы и велики, огромные шестерни —

Друг в друга зубы вонзив, как псы грызутся они...

Струится между колес, натянут туго, ремень —

Мелькает, как водопад, без усталы целый день,

Проносится и шуршит, сдавив ободья осей, —

В нем силы огненных жил огромной машины всей.

А лопнет жила одна — и всей гармонии строй,

Детали этих миров замрут, обретут покой —

Смерть Золота возвестив, спасенье силы людской...

Тут целый ряд веретен со скоростью мчит такой,

Что горы шерсти влечет, неся господам доход;

Руно, белее, чем снег, в стальные зубья идет —

Потом машина его хватает, рвет на куски,

И всюду летят клочки, как белые мотыльки,

Садятся они везде, куда ты ни кинешь взор, —

На стены и на людей, на раму и на мотор...
Крученная тонко нить блестит, подобно лучу, —
Другие — рядом бегут, сверкают, входя в парчу,
Втекают, одна к другой, подобьем быстрой реки,
Слетают, как водопад, в снующие челноки...
Скользят они вверх и вниз, струится поток живой,
Их быстро, за нитью нить, наматывает навой...
Несется из края в край огромной фабрики гром,
И грохот дерзких машин всечасно стоит кругом,
Вращаются шестерни, железный не молкнет звон —
Есть в беге этих колес безумный планет разгон...
Рокочет внизу котел, в нем тешится пар игрой,
Тяжелую крышку он легко вздымает порой,
По стенам кирпичным пар струится, как пот и кровь,
Слезинками с потолка он падает вновь и вновь...
Здесь жизнь сама создает — и гибнет во мгле сама,
А пламя горна внизу бушует, сходит с ума,
И золото жрет оно, выблевывая нагар,
И льет ярко-красный свет, кровавый рождая жар,
На лица и на станки, на тех, что во тьме стоят...
Ведь это, Товарищ, ад! Лишенный надежды ад...
Рабочие, погляди, — они скелетов худей,
Прохлады свежей глоток — мечта всех этих людей,
Их жизнь в дыму, в темноте похожа на жизнь крота,
Простой поцелуй земли, для них даже ты — мечта...
Бессмертье земля таит, и сеет она, и жнет...
Напрасно они хотят как птицы взмыть в небосвод:
Тоска по солнцу слепит, сжимает горло беда,

Вокруг — железо одно, оно грохочет всегда...
Машины властвуют здесь, их непреложен закон,
И в жалких душах людей они пробуждают стон.
Им служат и молят их, и вера в них велика —
Но только пыли поток течет взамен родника...
Чтоб из челночных когтей, из горна вырвать свой хлеб,
Рабочий жизнь отдает — измучен, голоден, слеп...
Я вижу, Товарищ мой, как злобно эти валки
Твою выжимают кровь... Как мясо рвут на куски
Бегущие шестерни, что острым клыкам сродни, —
За это мясо твое дерутся, как псы, они...
Я вижу, что этот шум, сводящий людей с ума,
И все эти шестерни, и вся машина сама —
Кровавые палачи, что выбросить ввысь хотят
Своих злодеяний груз, всю кровь — с головы до ПЯТ. * \$
В них скрыто так много бед, их злобы высок накал, —
Товарищ, только вчера пожрал кровожадный вал
Рабочих двух молодых, я знаю их имена,
Я видел: в глазах у них такая цвела весна!
...Со всех четырех сторон машины грохочут, ткут—.
И волны золота тут в горячих трубах текут...
(1910)

ПЕРЕРЫВ

Полуденный перерыв. Замолк рычащий завод,
И горн — усталый дракон — закрыл свой огненный рот;
На время в глотке его геенны выдохся дым.

Стали цилиндры, ремни, круги стальные колес,
Как будто в дреме немой движенье их прервалось,
Цех заводской опустел, и лязг и грохот заглох,
Лишь утомленных машин чудовищный слышен вздох.
Но ждет примолкший завод, чтоб снова пот засверкал
Рабочий пот — жемчуга, что лбов венчают накал.
Ждет, чтобы снова в огнях мигающая взвилась
Стая смарагдовых мух, над горькой жизнью смеясь.
О мать, стань возле ворот...
В рубашках рваных, взгляни,
Как море, в ширь и в длину в улицу льются они,
Простонародная рать, наемный гений труда,
Что на могучей спине несет года и года.
В дегте, в саже, в пыли гения череп-колосс,
Звезды ему никогда не омывали волос,
Словно в безумье идут, к ласкающим ветеркам
Тянутся, запах весны — бальзам их жарким ноздрям.
К могиле черной клонясь, согнулась старцев спина,
Плачевно, жалость будя, трещит ее глубина,
Где молчаливо гниет некрепкий старый хребет.
Девушек желто лицо, то розы увядшей цвет.
Напрасно у мотыльков блестит пыльца на крыле —
К ним не подымут ресниц привыкшие к дымной мгле.
Видишь калек-матерей? Живот их тощий понес
Семя, но вскоре оно исторглось каплями слез.
Сегодня, как и вчера, ползет змеей голытьба.
Понуры. Каждый похож на пленного иль раба.
Как будто весь этот скоп ведут продать с молотка.

Безмолвно льется толпа, как от истока река.
И без числа ручейки расходятся от русла —
Так разлились и они по улице, без числа.
Из бездн возникли они, те миллионы голов,
В грязи трущоб родились, во мраке смрадных углов.
Как у паршивого пса, желудок голодом сжат,
У пса, какого пастух палкою гонит от стад.
Лишь то им, что обронил коршуна клюв невзначай,
Им каша из отрубей, не им, другим каравай.
Свой жалкий выхлебать суп спешит рабочий народ,
С поникшего низко лба в тарелку капает пот.
То купят мяса кусок, гнилого в жаркие дни,
Вина в обед захотел? — воды фонтанной глотни!
А в колбасе опочил старый изрубленный мул...
Но жить нельзя без услад — и трубку раб затянул,
Трубка — надежда его, греза желудка и глаз,
Пока не ворвется в чад желанный отдыха час.. «
Идут. На хилых телах — уголь, и пыль, и смола.
Вот для потоков людских и площадь стала мала.
Безмолвен гнев, но уже подкатывает прибой
Под основания дворцов. Сыта, довольна собой,
Лоснилась города плоть, а нынче — ужель мертва?
Сам Гнев на приступ ведет суровых армий права.
Могучих стучат сердца, голодных гудит нутро,
Висит, как выжатый грозд, их груди двойной сосуд,
Откуда желчь и обман за родом роды сосут.
О, сотни, тысячи жертв! Их армии нет конца.
Всех на закланье ведут в храм Золотого Тельца.

Торчат лопаток углы, обуглена кисть руки.
Купавшиеся в дыму, как звезды были зрачки —
.Теперь мерцает едва их потускневшая жечь.
Сердца еще не в цвету, но уж успели отцвести.
В морщинах бледные лбы, в глубоких морщинах пот.
Дух продает человек и корку с кровью жует.
Он знает: саван себе всего лишь приобретет,
Он счастлив будет, коль туг в день смерти будет живот.
Не сотни, тысячи их. Хоть слух о них не гремит,
Их дело — сфинксов мечта, бессмертие пирамид.
Их труд, ступень на ступень, построил молча помост,
Чтобы владыки земли коснулись теменем звезд.
Копни фундамент любой — найдешь под камнем дворца
Лилии белых костей и жаждавшие сердца.
Ильдиза крепок цемент, — в него их кровь излита,
И Ватикана чертог, и папских туфель чета
Сверкающим потом их на диво укреплены.
От века пашет их плуг лоно земной целины.
Они воздвигли богов и пали жертвами их.
Их мощью сияет крест, чтоб стать спасеньем других.
Выковывали они из твердой кости своей
Круги звенящих подков победоносных коней.
Под их рукой и киркой разверзла недра скала,
Но вместе с золотом кровь из их же вен потекла.
Не знать триумфам земным бессмертья, не искалечь
Им арок мраморный груз рабочих бронзовых плеч.
Зловеще в больной груди гремит ребро о ребро.
Скрежещут зубы, скрипят, воздух жуют языки,

Голод сам гложет себя, как хищник, рвет на куски.
Есть! Есть! Он требует есть, недаром погожий день;
Людам мерещится хлеб, им в пору кусать камень.
Товарищ, слышишь ли ты? Повсюду — слышишь ли
ты? —
С утра утробы трубят, на крик кричат животы.
Мозги кипят, широки пылающих глаз зрачки,
Грядущего ковачей сжимаются кулаки.
Потрескивает, бредя, с скелетом рядом скелет,
Но это не смерти треск, в нем близкой мести привет.
Бьются гигантов сердца, но бьются с такой тоской,
Как будто яму кому гремющей роют киркой.
О, эти длани рабов! Проснувшаяся толпа!
Пора, проливая кровь, перековать черепа.
О, топот грозных шагов! Грохочет грубый башмак.
Улицы песнь и набат — тот ужас сеющий шаг.
О демократии рать! Ты столб под храмом чужим,
Ты подпираешь его, сама же гибнешь под ним.
Они все — бури очаг, все — дней роковых приход,
Вскричат — и дрогнет в ответ весь человеческий род.
Завтра, товарищ, — пора! — над Городом нег и сна
Грянет гроза. Запалит факелов много она.
Вскроются недра трущоб, весь смрад их черных кишок,
Сырых подвалов углы, труб очистительных сток,
Увидишь: бьется с врагом насмерть Дух Голода сам,
Молнии мечет он, мстя всем сытым и богачам.
Товарищ, завтра придут злые для Города дни,
Завтра гроза запалит в нем варварские огни.

ПЕРВОЕ МАЯ

Мир от Востока до Запада! Нынче

я созываю лирой своей

людей

сырых, не знающих солнца

лучей.

Первого мая себя я увидел

в зарослях роз, распустивших бутоны...

Сок земли

жадно я выпил, песни гнездовой в душу

вошли.

Люди, приблизьтесь, — ведь я чародей,

пот превращу в россыпь ценных камней,

в росы полей.

Влить в ваши кости солнечный жар

в воле моей.

С мрачных заводов идите ко мне вы!

Мир трачен молью. Мира основы

новы, —

создали вы их. Ко мне, мукомолы,

седы от половы.

С верфей идите ко мне, корабелы!

Трюмы ведь вашими станут гробами.

Рядами

из чрева болот восстаньте и двиньтесь

полями.

Идите ко мне вы, ко мне все идите!
В сердце моем столько света без меры,
что я из серой
пыли слеплю Человечество внове,
полное веры.
Хватит томиться в подвалах безглазых,
воздух хватая жадными ртами,
жить кротами...
Голод, как ржа, липнет к людям
годами.
Пусть не стучит молот о наковальню,
пусть затупятся зубья пилы
о стволы,
и пусть ржавеет вонзенный топор
от смолы.
В день Первомая машины — сироты.
Надо ль сегодня стоять за станками,
руками
вертеть колесо и следить
за ремнями?
Скиньте рубахи, пропахшие потом,
бросьте шапчонки рваные следом, —
при этом
головы ваши окутаю солнечным
светом.
Братя, идите ко мне вы, идите!
Всех мы сегодня с праздником Маем
славим,

землю творящую с кровью творящей
смыкаем.

Ветер овеет страждущих души.

Раны откройте его дуновенью,
как исцеленью.

А родниковое благословенье
словно свечение.

С персиков цвет осыпается ливнем.

Руки в благоухающем цвете.

В эти

минуты кедр затоскует
обо всех нас на свете.

Солнце на небе. Смотрит на вас лишь,
к вашим лишь лбам прикоснулось
устами.

Правящих вами
солнце обходит в презренье
лучами.

Поле и город — ваши владенья.

Улицею, непреклонны и яры,
юны и стары,
стяг поднимая, пойдете, и грянут
звонко фанфары.

Птица для вас запоем над вершиной,
буду на лире я петь, не струну
я натяну —
крепкие нити жилы орлиной,—
гром на страну!

Пусть вам пороги усыплют цветами.
А лишь луна дивный лик свой покажет—<
ласку окажет
и ваши двери сладким бальзамом
помажет.
1912

ЧУДОТВОРНЫЙ РОДНИК

Дочь моя, собирайся, тебя провожу
По дороге, обвившей холмы пояском,
К Роднику Чудотворному Чистому.
Направляются толпы больных к Роднику,
Слышен громкий чахоточный кашель.
В разноцветных косынках плетутся они,
Слышишь ли бормотанье молитв
На дороге, обвившей холмы пояском?
Дай мне руку; закрой, моя дочка, глаза
Белоснежной вуалью,
Чтоб острее ощутить ты могла в темноте
Запах солнца здоровый, струящийся
С небосвода полдневного,
Обволакивая нас с тобой.
Под разлапистой темной листвой
Гроздья красные зреют на лозах,
Добрым будет вино,
Силу даст оно слабым коленям,
В нетерпенье прольется на землю.
О, не мешкай, иди, моя дочь,

Близок Чистый Родник Чудотворный,
И, покуда больные его заслонить
Не успели, смотри, как из лона скалы
Мощно бьет золотая струя.
Ежевика туманные ягоды
Так безвольно склонились над ним.
Сколько света в колодце прозрачном,
Жемчугов — в огнецветной струе!
Приютившийся в горной долине,
Он — брильянтовый блеск,
Одинокой мелодии нить.
Мать-природа под музыку эту в ночи
Набухает, тучнеет, цветет,
Музыка облегчает работу.
Он из далей идет, из глубин,
Из неведомых миру пещер,
Где грядой голубые висят сталактиты
Все в слезах, как наяды;
Где в хрустальные льды
Упираются кедры корнями,
Каменистую почву прорвав;
Там зияют алмазные гроты,
Допотопные змеи сверкают там, окаменев,
Растекается жидкое золото,
И обугленный лес
Там становится каменным углем...
Он из далей идет, из глубин,
Безупречную ясность свою

Обрета в миг, когда невзначай
Наклонилась святая над ним,
Чтоб омыть в нем глаза, ни одним
Из мужчин не целованные.
Дочь моя, помогает святая вода
От тяжелых недугов,
Веющих безотрадной могилой.
Сколько страждущих к чистой воде
Родниковой припали, склонясь!
Пьют и пьют, хоть и стонут, а пьют,
Хоть и кашляют, пьют, торопясь.
Видишь — женщины, те, что ни щек
Алых не сохранили, ни губ, —
На табачных полях ядовитых
Побледнели они, как поганки,
Что на пнях почерневших растут.
Рядом — те, чье бесплодное чрево
Не способно ребенка зачать.
Пьют, и пьют, и к священным ветвям
Ежевика спешат привязать
Ленты свадебные, подношенье
Дорогое свое, и в прохладу
Родника погружают соски
Жаждающих материнства грудей...
Видишь — мальчишки, юноши нервные,
На заводах родившиеся,
В них, поблекших, проникли извне
Нездоровье, порочная кровь;

Рядом — те, чьи конечности, словно дракон,
Защемила, порвала, отгрызла
Заводская машина;
Вот они к родниковой подходят воде,
Чтобы гнойные раны омыть
И дорожную пыль обмахнуть
Со своих, еще детских, ресниц.
Видишь — девушки в белых, как пух, кружевах,
На подушках истаявшие,
Словно мыльная пена прозрачные,
Половину их легких изъел
Червь несчастной любви, источил
И стежками холодными,
Скользкий, избородил их сердца.
Вот они под вуалями тонкими
К Роднику припадают и пьют,
Жадно пьют, закрывая глаза,
Чтоб не видеть в воде своих лиц,
Изможденных смертельным недугом,
И привязывают к ежевике
Пряди темных волос, бормоча
Заклинанья, затем возвращаются
По дороге, обвившей холмы пояском.
Дочка, вот и одни мы:
Пусть же вера прольется в сердца,
Словно летний целительный дождь.
О, иди, моя дочка, иди,
На песке золотистом, мельчайшем,

Дрожь в коленях уняв,
Над прозрачным склонись Родником.
Я вуаль поднимаю твою:
От лица твоего на воде
Блик сияет, как если б звезда
Отразилась, скатившись с небес.
Пей же, дочь моя, пей!..
Пусть умрет та любовь к гордецу,
Что кольцо тебе отдал свое,
Но не сердце, — про сердце забыл.
Пей, не кашляй, прошу тебя, пей.
Растворились в воде Богоматери чистые слезы,
Пей — любую печаль исцелят,—
Снова щеки покроет румянец,
К ним вернется забытая свежесть,
Словно к лилиям в ярком вине;
Станет легкой походка твоя,
Тело юное вновь затрепещет
Красотой гармонических форм.
Пей же, дочь моя, пей:
Подношенье твое Роднику —
Вот оно, на ладони моей:
Это Горлица Астхик трепещет,
Розов клюв, белоснежен наряд,
Осеньяла она тебя белыми крыльями,
Над твоею вилась головой,
На груди твоей сидя, пила
Из горячего сердца:

Это — образ любви твоей горькой, вонзи в нее нож,
О, зарежь на камнях Родника,—
Сколько можно ласкать
Ее верткую голову, грудь подставляя когтям?
Сколько можно с ладоней кормить,
Сколько можно кормить ежедневно
Эту Горлицу Астхик с отточенным клювом?
На замшелых камнях Родника
О, зарежь ее, дочка, зарежь!
1909

ВОТ КНИГА...

Моему другу Ов. Поляну
Вот книга — та, обещанная мной...
Найдешь в ней много Грез, больших и странных:
Хмельного Диониса жриц румяных,
Танцующих ночами под луной.
Богов, что требуют Гомера сердце
Иль Мессалины.
Не в саван — в пурпур царственный одеться
Давала мертвым рыцарям она.
Найдешь здесь ночь Помпеи с тьмой гнетущей,
С гранатом, что над кратером возрос.
И этот Век, беременный грядущим,
Который исстрадался, как Христос.
Сердца, задутые, как свечи, — разом.
Железо, бьющее людей под дых.
И Преступленье, вставшее из грязи

И жаждущее крови роз живых.
Боль наслаждений, равнозначных зною,
И наслаждение боли — в недрах слов.
Ведь в чаше сердца и вино хмельное
В кровь превратится чистую Богов.
Нет, не удержат силой посторонней,
Друг, моего Пегаса за узду.
Пусть слышится картавый крик вороний —
Пегас летит у мира на виду.
Пусть критик слепо служит мракобесам,
А евнух-моралист наводит страх.
Кто взвесит Муки Сердца на весах,
Когда Вселенная — противовесом?
Кто породнится с Грезой золотою? —
Лишь дно и высь познавший человек,
В ком грязь и свет и кто живой слезою
И обожжен, и освещен навек.
(1912)

КНИГА «ПЕСНЬ ХЛЕБА»

К МУЗЕ

Как пахарь льнет к своим чапигам, разрывая
В извилинах и швах земли сырую грудь,
Как борозды зерно лелеют, подсыхая
Под солнечным лучом, пригретые чуть-чуть,
Как свозят на гумно пшеницу, золотая
Лежит она горой — в ней можно утонуть,
Как тесто из квашни течет, переползая

За край, — и пекарь трет глаза, чтоб не уснуть,
Как льет вокруг себя горячий Хлеб священный
Живительную мощь, свой вечный дух нетленный, —
О Муза, так и ты, вздымаясь на огне,
Колосьями укрась мне лиру золотыми,
Поскольку на гумне под ивами густыми
Сию в тени и песнь рождается во мне!

ЗОВ ПОЛЕЙ

Раскинулись мы вширь, конца нам нет и края,
Как женщина, земля лежит вся на виду.
Весна, весна пришла! И снег не может, тая
На солнце, скрыть ее живую наготу.
Вы, пахари, скорей идите к нам, сырая
Земля вас ждет, ей ждать уже не вмоготу,
Журчат ручьи, а там, как чудо зацветая,
Уже явил нарцисс живую красоту.
Идите к нам скорей — и полными горстями
Несите семена; как женщины, мы с вами
Готовы разделить прекрасной жизни суть.
Уж луч вонзился в нас, пусть жаркий пот прольется.
Как будем ликовать мы под апрельским солнцем,
Чуть ущемит лемех лепную нашу грудь!

ПАХАРИ

Вот пахари — полей возлюбленные дети.
Как жемчуг, пот увил склоненное чело.
Встают они с зарей, в их жилах солнце светит,

И сердце бьется в них земное тяжело.
Когда они идут — дрожит земля, в ответе
Они за каждый злак, за скрытое тепло.
Им земляная пыль макушки белым метит,
Солому им в полях за ворот намело.
Вот пахари. Их труд величествен, как божий.
Морщины их и впрямь на борозды похожи.
Подземная лишь им глухая песнь слышна.
Пусть мажут руки им волы слюной и пойлом,
От безрукавок их расшитых пахнет стойлом,
Зато в ладонях их широких — семена.

ВОЛЫ

Со звездочкой во лбу волы, огненнорыжи,
Я амулетом их украсил голубым.
Пьянит их вешний день, они так громко дышат
И смотрят на поля, соскучившись по ним.
Я сеном их кормил зимой. Как идол в нише
Церковной, тучный вол пасется, недвижим,
И лишь мохнатый хвост бока воловы лижет,
Похожий на змею, и хлещет по крутым.
Люблю я спины их, бесчисленные складки,
И ноздри, и зрачки, — на свете всё в порядке,
Когда с волами я тихонько говорю,
И поступь их люблю, и мощное мычанье,
Когда они бредут средь позднего мерцанья,
Стремясь вонзить рога в вечернюю зарю.

ПАХОТА

Хо, хро, хро, хро — то тяжкий скрежет плуга;
Идут волы в ярме, не глядя друг на друга,
Жуя соломинку, с поникшей головой,
И колокольчики гремят во мгле сырой.
Восходит солнца из-за гребня диск незрячий,
Целуя пахаря в намокший лоб горячий.
В ладонях сжав чапиги, он перед собой
Путь видит праведный и, как душа, прямой.
Хо, хро, хро, хро — земля струится из-под плуга
Изборожденная, пласты теснят друг друга.
Упрямо, медленно ползет лемех стальной,
На пашню жирную бросая отблеск свой.
Червь извивается, рассеченный меж комьев
Земли; кроты дрожат, страшась копыт воловьих,
И кровь змеиная мерцает здесь и там —
То плуг по маленьким прошелся головам.
А солнце на небо взбирается всё круче.
Как вновь проведенные борозды пахучи!
Хо, хро, хро, хро — земля тверда — и труд непрост.
Какое множество проведено борозд!
Волы стараются, и остроту стрекала
Их брюхо чувствует, — как шкура задрожала!
О камень плуг порой скрежещет — не беда.
Пот льется с пахаря, как едкая вода.
Когда же колокол пробьет в селенье горном,
Холмистый склон уже не бурым будет — черным,
Сплошь перепаханным, облитым под луной

Росой вечернею, животною слюной.
И пахарь сгорбленный вдруг, как от сна, очнется,
Кругом оглянется, и плуг его запнется,
И он подумает, что здесь, вдали от всех,
Кубышку с золотом свернул его лемех.

ПЕРВЫЕ ВСХОДЫ

Буйный сок под землей разорвал семена,
Шелестит ветерок,
И поля зеленеют во мраке ночном.
Матушка, принеси мне росток,
Ибо пот мой — росой на нем!
Посмотри, молодая пшеница из тьмы
Лезет, чувствуя срок.
Поле лунным слепит серебром...
О сестра, принеси мне росток,
Вол слюну, надрываясь, оставил на нем!
Изумрудные нежные всходы горят;
Словно свечки у ног,
Отливают побеги жемчужным огнем...
Эй, пастух, принеси мне росток,
Солнца луч отдыхает на нем!
Пустоту набирающей силы земли
Молодой украшает цветок,
Светлым он отликает веселым пятном...
О любимая, дай мне росток,

Аромат твоих пальцев остался на нем!
Среди поля миндальное деревце мне
Шлет весенний привет.
О любовь моя, мать и сестра,
Принесите мне розовый цвет,
Его розовый цвет —
Знак надежды и символ добра!

ВЕСЕННИЙ ДОЖДЬ

Не тот это дождь, что наводит тоску,
Унылый, угрюмый, тяжелый,—
Нет, яркий, живой, волосок к волоску |
Как будто из лейки, веселый.
Как будто растаяли звезды в ночи
И на виноградник и поле
С высот проливные струятся лучи,
Дымясь в золотом ореоле.
И кажется, плачет сквозь смех синева,
И падают с неба алмазы,
И блещет родник, не ослепнув едва
На солнце, лесной, кареглазый.
Тяжелых сапфировых капель не счесть,
Мерцают, как раннее утро,
И блещут, и гаснут, и взгляд не отвесь
От льющегося перламутра.
Весеннею свежестью дышат луга...
Под ливнем умылись овечки...
О, запах земли, тепловатый слегка,

На каждом дворе и крылечке!
И в поле, и в поле, где я проливал
Свой пот, выпускает пшеница
Росточки зеленые, каждый так мал,
Но блещет уже и лоснится.
И вот, как в сказанье, попробуй застань
В кустарнике, веющем тонко, —
Под радугой луноподобная лань
Рожает в лесу олененка.

МОРЕ КОЛОСЬЕВ

Ветру не спится,
Он пролетает над полем, колосья колебля,
Травы колыша от корня до кончика стебля,
И по холмам, где на склонах растет медуница,
Море струится.
Ветру не спится,
И пробудилась от сна изумрудная нива,
И поглотила козленка безбрежность разлива,
И по оврагу, где россыпь росы серебрится,
Море струится.
Ветру не спится,
Он налетает — и платье волнистого жита
То расползается, то как бы снова зашито:
В пенистом свете, которым омыта пшеница,
Море струится.
Ветру не спится,

И дуновенье в полях колоски распушило,
И молоко разливает луна из кувшина.
Где между ночью и днем пролегает граница,
Море струится.
Ветру не спится,
И от деревни до мельницы в буйном разгуле
Волны зеленые вольную ширь захлестнули,
Сидя на колосе зыбком, чирикает птица,
Море струится,
Ветру не спится.

1913

МАКИ

Видишь, милая, алые маки
Склон покатый усеяли наш.
Так напьемся же солнечной влаги
Из мерцающих чаш.
Разгорелись на склоне гористом,
Сколько бархатных и огневых!
Будем пить золотистые искры
Из бокальчиков их.
Собери мне букет, дорогая,—
Ярко-красные, землю прожгли.
Будем пить, к лепесткам припадая,
Кровь июньской земли.
Песне жаворонка подпевая,
Над гнездом его блещут они,

Лепестки разводя и смыкая,
Обещая нам жаркие дни.
Собери же букет и наполни
Свой передник багровым огнем.
Из стаканчиков, светлых и темных,
Мы огня отхлебнем.
Вперемешку с пшеницею маки,
Уст девичьих нежнее, цветут
И похожи на тайные знаки,
Трепеща там и тут.
Это — красного цвета избыток.
Лоб и кудри цветами увей.
Будем пить мы любовный напиток
Из пунцовых горстей.

ПОЛЕВОЙ СТОРОЖ

«Пусть ни прохожий, ни голос его не подходят
к посевам, эй, эй!»
Это доносится сторожа крик вместе с ветром
с пшеничных полей.
С сумкой холщовою через плечо, с грубым посохом
в сильной руке,
Средь изумрудной пшеницы он бродит один вдалеке.
В жарких лучах он купается там, как сверкающий шмель.
В сумке холщовой его вместе с хлебом хранится свирель.
Ночью на ней он играет под яркой луной.
Слушает песенку пугало в рваной одежде смешной.
Зреют колосья во тьме и при солнечном свете дневном.

Сердится сторож, когда ветер бьет их тяжелым крылом.

Ах, как лоснится и светится нивы привольная гладь!

Сторож — гроза всех, кто может ее потоптать.

Сколько кротов он убил, сколько крепкоголовых волов

В панике с поля бежали от грозных его тумачков.

Вот и вчера вороватая жница на поле чужое пришла,

Череп ослиный швырнул он в нее, обругал ее крепко
со зла.

И долетает к нам сторожа крик вместе с ветром

с пшеничных полей:

«Пусть ни прохожий, ни голос его не подходят
к посевам, эй, эй!»

СПЕЛАЯ НИВА

Поле мое золотистое!

Жаром пахнув на меня,

Ты, не сгорая, вздымаешься

Выше огня.

Поле мое золотистое!

Небо — огонь.

Под стебельками потрескалась

Грубая поля ладонь.

Поле мое золотистое,

Дышишь и плависься ты,

Желтых колосьев янтарные

Блещут ряды.

Поле мое золотистое!

Множество ос золотых
Рыщет, цепляясь за усики
Желтых колосьев твоих.
Поле мое золотистое,
Я твоим запахом сыт.
Вдруг канарейка из пламени
В небо взлетит.
Спи, засыпай, золотистое,
Праведным сном.
Буду я спелое золото
Жать серебристым серпом!

223. ЖАТВА

Пусть засучат рукава, пусть наточат серпы, —
Лягут ячмень и пшеница сегодня в тугие снопы.
Сладко зарыться в колосья, колючие усики их
Льнут к волоскам на груди меднокожих жнецов молодых.
Сладко тонуть, словно в море, в пшеничных волнах.
Темные жилы вспухают на смуглых руках.
Взгляд от соленого пота и яркого солнца ослеп.
В золоте плавком гуляет серебряный серп.
Срезаны ровно колосья, и маки меж ними лежат,
Кровью густой истекая, — за рядом вздымается ряд.
Зыбь набегает на зыбь и волна на волну.
Ветер колышет лоснящуюся желтизну.
Вдоль пробегает по ней, а потом — поперек.
Высохший виден порой под ногами поток.
Вдруг замечаешь кусты или камень, лежащий в пыли.
Прежде укрытый от взора, ручей проступает вдали.

Солнце пылает нещадно, и жнец, терпелив,
Пьет родниковую воду, кувшин накренив.
Или, взяв колос, в ладонях его растерев,
Зерна считает и хвалит судьбу нараспев.
Тут же — наемный работник с горячим серпом,
Как полумесяц сверкающим в блеске дневном.
Жнут, и не видно конца этой жатве! Лежат
К колосу колос, за рядом подрезанный ряд.
О, что за стоны, какие рыдания, мольбы!
Кажется, плачет пшеница, ложась под серпы.
Жнут, и не видно конца этой жатве, пока
Тьма не подступит вечерняя издалека.
Только тогда на дорогу выходят жнецы,
Старые матери дома их ждут и отцы.
Серп на плече под луной серебрится чуть-чуть,
Сладкая тень освежает горячую грудь.
Только сверчок наполняет молчанье полей
Однообразно-прерывистой песней своей.

СБОР УРОЖАЯ

Вышел в поле я с острым серпом
— Как невеста луна, —
И в сиянье тружусь голубом.
— Ах, другому она отдана.
С непокрытой бреду головой,
— Снятся первые сны, —
Я неровной иду бороздой.

— Ее пряди черны.
И колосья, и маки одной
— Куропатка слышна —
Нитью перевязал я цветной.
— Руки хной умастила она.
Небеса на пшеничную гладь
— Пролетела звезда —
Изливают свою благодать.
— Лучезарна ее красота.
Сколько сжатых колосьев в снопы
— Слышен шум ветерка —
Я связал для лихой молотьбы!
— Грудь ее приоткрыта слегка.
До утра я работать готов,
— Луч блестит серебром, —
Целый город сложил из снопов
— Пламя в сердце моем.
Серп на камень наткнулся, визжа.
— Есть жених у нее. —
Перепелка забилась, дрожа.
— Сердце кровью облилось мое.

КРЕСТ ИЗ КОЛОСЬЕВ

Полевые дары на своем алтаре

Освяти, Матерь Божья, тебе их несущи.
Желтый воск с моей пасеки льет в серебре
Твоем — свет и слезу.
Ты — святая защитница наших полей,
Ты бессмертие рая им даришь, в цветок
Превращаешь побег и деревне моей
Предрассветный несешь ветерок.
Этот крест из колосьев прими от меня,
Сам я плел — краше нет у меня ничего.
Словно русые девушки, шейки клоня,
Золотились колосья его.
Под серпом моим пали они, сколько тел
Золотых! Богоматерь, взгляни с высоты.
Клювом маленьким жаворонок не посмел
Тронуть спелые эти ряды.
Сплел я их, словно косы, и форму креста
Им придал, так как Сын твой погиб на кресте.
В Пасху кровь его впитывает борозда,
Есть она и в вине, и в дожде.
Вплел я в них свою веру, надежду, нужду,
В них — и солнечный блеск, и сверканье серпа,
И руки моей взмах, и в бесхлебном году
Моих маленьких внуков мольба.
Матерь Божья, прими этот дар и полям
Дай жемчужин весной, летом золота дай.
Свеч тем больше алтарных зажгу по краям,
Чем полней будет мой урожай.
Сделай так, чтобы ты, навещая поля,

Не по терниям шла, не по черной пыли,
Чтобы под ноги золотом стлалась земля,
Чтобы алые маки цвели.

ТОКА

На току я сижу, замечтавшись, в тени
Моего работяги осла,
Он, привязанный к пню, мне уткнулся в плечо,
Его шкура от пыли бела.
Заливает долину волна за волной
Золотого, живого тепла.
Скирды плавают в них, и погреться в лучах
Черепаша тайком приползла.
Крылья ветра чуть движутся — и аромат
Тепловат и стоит как стена.
Тень коровы на солнечном ярком свету,
Как заплат, черна, зелена.
И домашняя утварь лежит на токах,
И вполне обжитой у них вид.
В опустевшей деревне скучающий пес
На пороге тихонько скулит.
Скирды словно дома, и для новых невест
Деревенских, тайком от молвы,
Стала ложем супружеским зыбкая тень
От широкой древесной листвы.
И я песню слагаю о тех молодцах,
Чья тверда и надежна рука,
Что, серпы отложив, к молотильной доске

Приучают упряма быка.
Или, в камни впрягаясь, расчистить спешат
Место, нужное для молотбы.
И намокла спина, и приходится пот
Часто смахивать с верхней губы.
И я песню слагаю о девушках тех,
Что, с нестершейся хной на руках,
В сито сыплют ячмень, и колышется он
Драгоценной струей на токах.
Воспеваю крестьян на вершине возов,
Что, как боги, глядят с высоты
И железные вилы вонзают, кряхтя,
В золотистое тело скирды.
Молотильную доску, тугие снопы
Воспеваю, дымящийся круг,
И пшеницу, пшеницу, пшеничный поток,
И тяжелый, отрывистый стук.
О, как сладко, как радостно всем существом
Слиться с этим священным трудом,
Пропитаться пшеничною пылью сухой,
Всею трухой, всем несметным зерном.
О, как весело на пропыленном пути
К старой мельнице, воз торопя,
Божеством ощутить себя древним на миг,
Паном тока представить себя.

АМБАРЫ

Полутемных строений, пристроек приземистый ряд,
Деревенских амбаров, — мы запахи сена вдыхаем.
Из глубин их струится осенний, густой аромат, —
Плодоносная осень довольна большим урожаем.
Там — сухая трава, веретенообразный ячмень,
Здесь — пшеница в мешках взгромоздилась под самую
крышу.
В них — всё летнее солнце и знойный сверкающий день,
Я в их шелесте, кажется, летние шорохи слышу.
Почерневшие бревна, — кто скажет мне, сколько им лет?
Хлопотливый паук над зерном разостлал свои сети.
В неприметную щель проникает полуденный свет.
О, как радуют сердце запасы надежные эти!
С ними нам не страшны ни бескормица, ни холода.
Заготовлено много и хлеба, и сладкого сена.
И нет стража в амбаре надежней хитрюги кота,
Что накрылся хвостом и поет про себя, как сирена,

РИГИ

Рига люцерны, пьянишь ароматом
Ладана, миг
Сладок, когда за тугой твоей дверью,
Страшен и дик,
Широколобый, в ошейнике прочном,
Виден мне бык.
Рига гороха, пьянишь ароматом
Горных цветов,

Перетаскал я душистых немало
К стойлам снопов,
Благоуханье твое днем и ночью
Пить я готов.
Рига соломы, пьянишь ароматом
Пастбищ и нив,
Кошка на мягкой скирде промурлычет
Сладкий мотив,
Будь же ты благословенна, ягнятам
Мордочки посеребрив!

МЕЛЬНИЦА

Не молкни, мельница, мели,
Вздымая тучи шумных брызг,
Чтоб эхо вторило вдали,
Где серебрится лунный диск.
Твоим стенам привычна дрожь,
Клубящая мучную пыль.
Ты спать русалкам не даешь...
Что это — сказка или быль?
В трудах твой белый чародей,
Неутомимый мукомол:
Он хлебом потчует людей,
А ведь без хлеба — стол не стол.
Ты — буря в путах лозняка,
Твоя река к тебе щедра,
Мели, пусть сыплется мука

Из благодатного нутра.
Перехвати поток в пути,
Над бездной задержи накат —
И грохот в песню преврати,
Низвергнув с крутизны каскад.
Скрипучие возы ползут,
Набиты доверху кули:
Пшеницу на помол везут.
Не молкни, мельница, мели!
Арбы сползаются на зов —
Ни с чем не спутать этот звук,
Урчанье алчных жерновов
В движении за кругом круг.
Из глубины осенних дней
Подвозят золотую кладь,
Чтобы в соитии камней
Зерно могло мукою стать.
Числом расти мешкам вдоль стен,
Возам тянуть свой белый след,
Когда на золото в обмен
Насыплешь ты крупчатый свет.

БЛАГОСЛОВЕНИЕ

С востока к нам
Пусть мир придет, успокоенье...
Не кровь, а пот
По рыхлым бороздам пускай течет;

И если колокол сзывает в сельский храм —

Да будет с ним благословенье!

Пусть с запада, трудов награда,

Грядет к нам урожай...

Луч звездный тянется, как волос;

Пусть золотом нальется колос.

Когда ж на склон придет овечье стадо —

Пусть будет склон в цветах, как рай!

Пусть с севера к нам изобилье

Пожалует в село...

В пшенице рослой

Пусть серп ныряет острый.

Пусть ликование расправляет крылья —

В амбарах от зерна белым-бело!

Пусть с юга теплый вечер

Слетит на землю, свечи пусть зажгут...

Да будут полны меда улы наши;

Пьянит вино, переполняя чаши;

Когда же хлеб дымящийся внесут —

Любовь и песни выйдут пусть навстречу!

1912—1915

ИЗ ДРУГИХ СТИХОТВОРЕНИЙ

О, НОВЫЙ ВЕК!

Новая эра, входи! В ясной утробе твоей

Зреет Грядущего плод, чтобы явиться на свет.

Алым закатным вином, сладостным звезд молоком,

Виджу — полны до краев тяжкие груди твои.

В мерзкой постели чужой долго терзали тебя,

В озере крови живой чуть не погибла мечта,
Но сотворения сок в тело твое проникал,
Тихий, незримый поток шел от роящихся звезд,
Мысль, как Зевесов орел, крылья свои распахнув,
Смотрит, как мучишься ты в корчах своих родовых.
Светочем Вольности стань, Жизни надеждой пребудь,
И на утесе времен, высящемся до небес,
Молнии яростных бурь высекут имя твое,
Жемчугом в книгу веков, в грузный пергаментный свод
Впишут горенье твое, впишут деянья твои.
Встали народы земли, цепи свои сокрушив,
А из остатков сплели для властелинов бичи,
И пробудился Восток, как молодая жена,
Что средь супружеских ласк первую ночь провела.
Дедовские города дрему ветшающих стен
Сбросили прочь и гудят, раскалены, как вулкан,
Плавится Злата закон, тает стальное ярмо,
Огненный дождь из свинца льется с иранских небес,
И в исфаханских садах лебедь гаремов поник,
Чует он близкий конец, дом Сасанидов дрожит,
Балки прогнили насквозь, трещины стену грызут,
О молодой Энджомен шахский ломается меч,
Бегством спасается шах, пали сатрапы-скопцы,
Что европейскому льву верно служили сто лет,
Сделав из мантий своих пакость лакейских ливрей,
А огневой аргамак под звездглазым бойцом
Дариев древний престол звонкой подковой крушит,
Там, где он ступит, цветут алые розы надежд.

Кровь отирая, народ, сев на могильник царей,
С верой растит у груди Персии новой дитя.
В Анатолийских горах, где погулял ятаган,
Новые зори встают над городами могил,
И сирота армянин, новой эпохи пророк,
Прах Исраэла Ори в бомбу свою заложив,
Взрывы готовит, а сам, дерзкой мечтою влеком,
В бухте кровавой на дне ищет всем сердцем своим
Жемчуг свободы — венчать светоч короны твоей,
Ищет и скоро найдет, светлая эра моя.
Всяк угнетенный теперь смотрит на солнце в упор,
Вот пробудился монгол, много хлопот палачам,
Но гильотины резни жуткий свой блеск отдают
Свежим могучим ветрам, зову грядущих побед,
И закипает Стамбул яростным варевом толп,
Люди впервые идут к цели высокой, святой,
Нынче она им видна, нынче она им ясна,
Кровь извергает тиран, всю, что за жизнь проглотил,
И азиатский порог пурпуром зарев покрыт.
Гог и Магог поднялись: час роковой наступил,
Прочные стены крушит неукротимый порыв,
Трубный архангельский глас сбросил и в прах растолок
Мумии идолов, что Ветхий завет освящал,
И по России идет гулкий грохочущий зов,
Полный свирепой Мечты и предвещающий бой,
Северный полюс трясут взрывы сияющих бомб,
Битый и колотый лед кашей алмазной течет,
Рушится в теплый Гольфстрим; белый полярный медведь,

Морду задравши, глядит на подожженную тьму,
В тюрьмах восстание кипит, падают стены дворцов,
Как обветшалый насест, вдруг угодивший в потоп,
Лопнул финляндский гранит, громом ответил Кавказ,
Взрывы сверкнули во тьме, и наслаждается взгляд,
Словно на розу глядит в сказочном дивном саду.
Всюду встает молодежь, всюду спешит созидать.
Жаркий кровавый потоп сносит, смывает и прочь
В бездну прошедших времен сбрасывает на бегу
Идолов в тусклой броне, алчных верховных жрецов,
Скипетр червивый, а с ним кодексов струпья и гной.

Новые боги идут! Это бессмертный Народ,
Это дерзнувший достать солнечный диск Прометей
Хочет взойти на Олимп звездные нивы косить,
С лунных полей урожай светлым серпом пожинать,
Семя огня у небес смело добыть для земли.

Новая эра, входи! Звал тебя гордый Ферер,
За Пиренейской стеной выплеснул лаву вулкан,
Гневный народ словно бык вскинул кинжалы-рога,
Трон заходил ходуном, пастырский посох трещит.

На Гваделупе пожар! Пав на пороги казарм,
Алая кровь бунтарей с камня к возмездию зовет.

В Андалусийских горах не на свиданье идут
Девушки с розой в зубах, а средь восставших борцов
Учатся метко стрелять. Поднято знамя борьбы,
Вьется оно на ветру. Формула «СОЦИАЛИЗМ»
Раз навсегда разорвет чары вселенского зла.

Каменный Сфинкс говорит — мудрость отверзла уста.

Этот чудовищный зверь истину нам возвестил,
И, беспощадный, как меч, коготь его разодрал
Книгу Обмана и Лжи, труд лицемерных жрецов.
Глянь на Восток, на Закат, выслушай Север и Юг —
Голод то воет, как пес, то прорицает, как бог,
Мудрость, познавшая боль и унижение от зла,
Силу в страданье нашла, стала законом миров,
Сделалась осью миров, новая эра моя!
Мрачный антихристов дух истово осуществит
То, что Сократ не постиг, то, что лишь снилось Христу.
Дрогнули камни церквей, рушатся их купола.
Всё хитроумье попов больше не может взнудать
Истинный Новый завет, непримиримый наш дух.
Пастыри-волки вотще стадо к смиренью зовут.
Вольные души людей сами желают свой путь
Выбрать по звездам небес среди лабиринта дорог.
В пастве смирения нет, пало господство кнута.
Папа напрасно трясет ржавым Петровым ключом,
Дверь в заповеданный рай этим ключом не открыть.
В храмах размножился блуд, помысел грешный мужской
С помыслом женщин един, цель у обоих одна.
Рим превратился в Содом, а Гроб Господень — в притон,
Божьего агнца с торгов всякому там продадут.
Но понапрасну сулит бойкий язык торгашей
Райские кущи одним, адские печи другим.
Бога давно уже нет в лавочках при алтарях.
Нет! А народы рычат, кровью от ран исходя.
Нет! А народы хотят, чтоб отражался Господь

В совести вольных людей. Помыслы Савонарол
В чистых сиротских сердцах снова зовут на мятеж,
И непокорство грызет мрамор соборных колонн.
Что нам картины и плющ, если за ними Обман?
И разгорается спор в стане надменных попов,
Властные помыслы их точит великий испуг.
Бруно, тот страшный костер, где ты за правду сгорел.
Что подожжен был огнем от благолепных кадил,
Дети и внуки твои, мстя за тебя, разожгли,
Радостно мечут в огонь ризы блудливых жрецов,
Грозные буллы всех пап, ложные мощи святых,
Злобный Кальвинов софизм и ватиканский сургуч,
Долгие двадцать веков жегший печатью уста
Истины, вырванной прочь с мозгом у светлых умов.
Все патриархи церквей, свой позабывшие долг,
Все патриархи-скопцы, что, охраняя гарем
Злобных Гамидов, кресты кровью пятнали людской,
Бурей судеб сметены и позабыты навек.
Вот он, Антихрист, грядет свято и право судить!
Бог нам его обещал, бог нам его ниспослал,
Это народы всех стран, питанные на огне.
Новая эра, входи! Пусть в тебе вечно живут
Жертва, сражение, борьба, гибель и роза побед!
В лоне бескрайних времен ты как тяжелый кувшин
С кровью и верой людей, павших в жестоком бою.
Ты — раскалившийся горн, где обжигают наш мир,
Чтобы явился он, нов, с ясной звездой во лбу,
Чист и достоин вершить околосолнечный путь...

Новая эра моя! Лучшей надежды рассвет...

(1912}

НАВАСАРД

Ты гений Гайка в Навасард под жгучим солнцем

Возвеличь!

Вот лира! Встань из пепла, пой, и славословь,

И славокличь!

Во имя Силы, Красоты ты с факелом

Под божий кров

Вступи, святыни окропи, и станет всё —

Огонь и Кровь!

Стакан гранатного вина к сосцам прекрасной Анаит

Вздымай смелей!

Напиток пламенный, густой на сердце гибнущих творцов

Легко пролей!

Мы мрамор девственный возьмем, что Семя, Пламя

И Любовь.

Нам — Детям Августа — ваять святой Зари

Живую Новь.

1913

АСТХИК

Осталась шея мраморная целой

И гордой — ныне, средь веков разрушенных,

И лилией она взметнулась белой,

Власть обрета над Избранными Душами.
В глазах твоих — живое небо эллинов,
Вся суть его: сияние и кров.
Да, ты легла, резцом ранима гения,
Чтоб хлынула душа из мраморных зрачков.
Чтоб жизни, женственности, нежности учил он
Тебя, пенорожденную...

Еще

Солоноваты капельки пучины
На ямочках твоих оживших щек.
Но руки где, Астхик?
Они погружены
В твой океан, бунтующий вдали? ..
Так хочется найти любви жемчужину,
Чтоб ею увенчать чело Земли.

(1913)

ПОСЛЕ КУПАНИЯ

Из моря выйти и с тобой
Пройтись бы берегом синебоким«
И косы, полные волной,
Пусть сушатся на солнцепеке.
И к лону теплomu песка
Прильнет нога твоя нагая.
И кинется волна ласкать,
Лобзать ее... не настигая.
Хмельной :от моря,
в море глаз
Твоих под солнцем окунусь я.

Вниз — волосы! И плеч коснутся,
И станут сохнуть, золотясь...

(1913}

ЗЕЛЕНАЯ ВЕТОЧКА

Терцинами божественного «Ада»
Еще в плену меня держал поэт,
Когда в окно росистая прохлада
Повеяла и занялся рассвет.
Открыта лучезарная страница,
Еще Франческа, ангельски чиста,
Вздыхает, деверя маня склониться,
Прижать к ее устам свои уста.
И ты вошла — и веточку закладкой
Вложила в книгу поперек строки
И новостью ошеломила сладкой:
«Для нас раскрыла роза лепестки».

(1913}

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Жилище на покинутой земле, —
В нем всё напоминает о разгроме,
Но теплится лампада в полумгле
И слабый свет дрожит в дверном проеме.
Изгнали душу — в доме ни души,
Меня швырнули мертвого на дроги,
И жалобно в мучительной тиши

Мяучит наша кошка на пороге.
Быть может, в дом на дальнем берегу
Еще вернусь, судьба пошлет удачу.
Погасшую лампаду вновь зажгу
И вместе с кошкой плачущей заплачу.

(1913}

ТОПОЛЯ

Тополя. Для дружной их четы
Место возле дома выбрал дед,
И звезда любви и красоты
Сквозь листву просеивает свет.
Так сроднились, так они близки,
Что звенит листок листочку в лад:
Чуть умолкнут на одном листки,
На втором, смолкая, отзвенят.
Корни цепко переплетены,
Крона к кроне в непогоду льнут,
И в лимонных отсветах луны
Чудится пчелиный майский гуд.
Прислонившись к ним в условный час,
Мы с невестой полночь сидим,
И они всю ночь поют о нас,
Но язык их непереводим.
Волосы смешал тебе и мне
Ветер, листья в небе шевеля, —
Там, над нами, в звездной вышине
Обнялись седые тополя.

(1913}